

ЕСЛИ ВЫ ДО СИХ ПОР НЕ ЧИТАЛИ
АНДРЕЯ ВОРОНИНА – САМОЕ ВРЕМЯ ИСПРАВИТЬ ЭТУ ОШИБКУ

коммерсант

Андрей Воронин **КОМБАТ**

ДЕТЕКТИВ

ЗА СВОИ СЛОВА ОТВЕТИШЬ

Комбат

Андрей Воронин

Комбат. За свои слова ответишь

«ХАРВЕСТ»

1999

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Воронин А. Н.

Комбат. За свои слова ответишь / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
1999 — (Комбат)

ISBN 978-985-18-3637-2

Он немногословен, но если пообещал, то выполнит обещанное, таков Комбат, ведь это не просто кличка главного героя Бориса Рублева, это прозвище, которое он заслужил. Он, бывший майор десантно-штурмового батальона, держался в армии до конца. Многоточие в его военной карьере поставила последняя война на Кавказе...

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3637-2

© Воронин А. Н., 1999
© ХАРВЕСТ, 1999

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	28
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Андрей Воронин
Комбат. За свои слова ответишь

© Подготовка, оформление. ООО «Харвест», 2015

Глава 1

Ночь всегда приносит с собой тонкий аромат романтики, особенно если на небе всходит полная луна.

И в эту осеннюю ночь она выкатилась над Москвой – огромная, белая, похожая на таблетку растворимого байеровского аспирина. Во всяком случае, такой она могла показаться людям, связанным с медициной.

Облака над столицей шли ровно, с разрывами, и луна то ярко очерчивалась на темном небосклоне, то матово размывалась, намеком проступая сквозь негустые легкие облака. Внизу, на улицах, ветра почти не ощущалось, и густой смог, оставленный после тяжелого напряженного дня, висел между домов, отчего город казался немного ирреальным, словно нарисованным акварелью и потом сбрызнутым водой.

Лишь редкие окна горели в это позднее время. Светофоры мигали желтым, не задерживая стремительный бег редких ночных машин. Таксомоторы на стоянках сбились в стаи, и шоферы собирались в одной из машин поиграть в карты, оставляя дверцы своих автомобилей открытыми, чтобы слышать позывные по рации. Вдруг кто-нибудь из задержавшихся в гостях пожелает уехать домой, не дождавшись утра, или подвыпившей компании понадобится спиртное?

Жизнь в большом городе никогда не замирает окончательно, она тлеет, как уголья, подернутые толстым слоем пепла, и человек внимательный непременно приметит скрытую ночную жизнь столицы. Нужно лишь уметь видеть, а не только смотреть.

Вот две девушки, в три часа ночи прогуливающиеся по пустынному тротуару, в коротких черных платьях и расстегнутых кожаных куртках, – это, конечно же, проститутки. И если на окраинном пустом проспекте поближе к тротуару медленно едет машина, то знайте, ее пассажиры высматривают девочек. Какого же черта еще можно плестись, если дорога свободна, если светофоры не мешают мчаться с ветерком?

Сверкнув стоп-сигналами, машина притормаживает, и вот она уже ползет вдоль тротуара. А девушки словно бы и не слышат скрипа тормозов, идут, взявшись за руки, уже напряженно ожидая, когда их окликнут. И если послышится голос с кавказским акцентом, то вполне возможно, они обложат его обладателя матом. Проститутки тоже разборчивы в выборе связей, и не каждая решится провести ночь с кавказцем, хоть тот и пообещает за ночное развлечение золотые горы. Обещания легко даются «до», но трудно выполняются «после».

– Эй, красотки! – крикнул мужчина, опустив стекло и высунувшись из машины почти до пояса.

Одна из проституток шепотом спросила подругу:

– Отзываемся?

Та кивнула.

– Да.

– Говорить ты будешь...

Они одновременно обернулись, словно бы пловчихи из команды синхронного плавания, и посмотрели на желающего развлечься.

– Сколько удовольствие-то стоит? – без всяких экивоков и ложной скромности осведомился мужчина. Глаза его маслено поблескивали.

– Не пьяный, – отметила одна из проституток.

С сильно пьяными ей иметь дела не хотелось, а трезвый, чистый мужик славянской внешности – то, что надо. Такие обычно аккуратно расплачиваются, за своим здоровьем следят. Да и пожелания у них обычно стандартные, без всяких извращений.

– А это смотря что, – сказала проститутка.

– Смотря куда? – рассмеялся мужчина.

– Берем повременно и в зависимости от сложности, – объяснила проститутка. Голос ее звучал ровно, без эмоций, словно она выясняла у начальника цеха условия работы при приеме на фабрику.

– По полтиннику на каждую до утра устроит? – мужчина приложил руку то ли к сердцу, то ли к бумажнику, лежавшему в левом кармане куртки.

– А вас сколько?

– Двое, – мужчина распахнул дверцу, чтобы девушки могли убедиться – в машине, кроме него и молодого парня за рулем, никого нет.

– Хорошо, по пятьдесят с каждого. И привезете нас на то же место, где подобрали.

– Сюда, что ли?

– Именно.

– Лучше я вам на такси накину, – мужчина похлопал рукой по сумке, стоявшей на заднем сиденье.

Раздался глухой стеклянный звук, так могли звенеть только полные бутылки.

– Или на работе вы не пьете? – засмеялся он.

– Если вино, то пьем.

– Шампанское.

– Еще лучше.

– И дороже.

– Но его цена в стоимость услуг не входит.

– Ясное дело.

Девушки, смеясь, забрались в машину, и автомобиль, выскочив на середину проезжей части, понесся по мокрому после недавнего дождя асфальту. В нем уже вовсю гремела музыка, заглушавшая манерный визг девчонок, которых купивший их до утра мужчина щупал за ляжки.

Из-за угла дома-девятиэтажки, облицованного белой смальтой, местами уже рассыпавшейся, выглянули двое молодых парней.

– Говорил я тебе, Коля, что они проститутки, а ты: «Подколемся, познакомимся»...

– Да уж, Макс, у тебя на них глаз наметан. А мне сперва показалось, нормальные бабы.

Парни, осторожно ступая по раскисшему грязному газону, выбрались на асфальт.

– Страна у нас такая, идиотская, – принялся рассуждать Коля, прижимая к груди большой полиэтиленовый пакет, – что даже честные женщины не боятся одеваться как проститутки.

– Это шик особый, – вздохнул Макс, вслушиваясь в раскаты удаляющейся музыки. – И какого черта только мы от них прятались?

– Не знаю, воспитание, наверное, сказывается.

Николай отодвинул край пакета и заглянул вовнутрь, проверяя, не разлился ли клей, стоявший на дне в двухсотграммовой стеклянной баночке, из которой торчала самая простая, какую можно было только купить, ученическая кисточка.

– Ходишь по ночным улицам, и кажется, нигде никого. А только начнешь незаконным делом заниматься, сразу мерещатся и менты, и подозрительные личности.

– Ну а теперь-то чего ты боишься? Идешь себе спокойно по улице, за что к тебе можно прицепиться?

– А штраф получить не хотел?

– От всего не убережешься, – Макс тронул друга за плечо. – Давай и на этот столб наклеим.

– На хрена, он у самой дороги, через газон никто идти не станет, чтобы прочесть.

– А тебе разница есть, прочтет кто-нибудь или не прочтет? Мы обещали, что на всех остановках объявления расклеим.

– Думаешь, кто-нибудь проверять пойдет, расклеили мы или нет?
– Если люди за это деньги заплатили, то могут и проверить.
– Скажем, что ободрал объявления кто-нибудь. И так уже на десяти остановках расклеили.

– Я бы их вообще с превеликим удовольствием в мусорку выбросил, и сейчас было бы поменьше работы, поменьше страха, и потом...

– Как это? – не понял Николай.

– Чем меньше объявлений расклеим, тем потом нам меньше звонить станут.

– Все равно у телефона сидеть придется, разница?

Парни, студенты второго курса, приехавшие в Москву на учебу и снимавшие квартиру на двоих неподалеку отсюда, подошли к автобусной остановке. Оба фонарных столба сплошь пестрели объявлениями, они уже были наклеены в несколько слоев, разбухли от дождей. Несколько объявлений белело и на стеклянной перегородке павильона-остановки.

– А может, и сюда наклеим? – предложил Макс, показывая на толстое витринное стекло.

– Жалко портить, остановка красивая, – вздохнул Николай, доставая из мешка объявление, напечатанное на ярко-красной бумаге строгим компьютерным шрифтом.

В первую очередь бросалось в глаза слово «работа», набранное трехсантиметровыми буквами. Осторожно макнув кисточку в клей «ПВА», Николай принялся намазывать листок с тыльной стороны. Работал он быстро и аккуратно. Макс в это время стоял на краю тротуара и всматривался в городской пейзаж, не видно ли где милиционера, потому как за расклейку объявлений в неположенных местах парням могли выписать солидный штраф.

Глядя на студентов со стороны, можно было подумать, что они ждут на остановке автобус, который, естественно, в три часа ночи появиться не мог. Но это не преступление, даже административное, – ждать несуществующий в природе автобус на действующей остановке.

Николай взял объявление двумя руками и, стараясь не выпачкаться в клей, подбежал к фонарному столбу, прицелился и наклеил его на уровне своего лица. Разгладил скомканной газетой и, отойдя на два шага, полюбовался работой. Даже сейчас, ночью, в неверном свете фонарей, оно гляделось ярко и броско.

– Готово? – спросил Макс, завидев одинокую фигуру на другой стороне проспекта. Но тут же понял, опасаться позднего прохожего нечего, тот в стельку пьян и вряд ли что-либо видит перед собой и под ногами, движется на «автопилоте».

– Готово! – отозвался Николай и тут же засмеялся.

– Чего такого веселого вспомнил?

– Объявление на столбе смешное висит.

Макс подошел к другу и глянул на объявления, большую часть которых составляли призывы похудеть без голодания и физических нагрузок. Эти соблазнительные призывы сопровождались плохо отпечатанными фотографиями, на которых были изображены якобы одни и те же люди до приема чудодейственного аппарата и после.

– Эти?

– Не туда смотришь, над этими я уже давно не смеюсь, – сказал Николай и придержал наполовину отклеившееся объявление размером в половину машинописного листка, сплошь заполненного текстом.

– Предлагаю... – прочел Макс.

Далее шло перечисление труднопроизносимых лекарственных препаратов, большей частью антибиотиков, помогающих при гонорее и триппере. За ними шли сильнодействующие сердечные и транквилизаторы.

– А чего смешного? – пожал плечами Макс.

– Ты до конца дочитай.

Почти в самом конце объявления шла приписка:

«...а также – памятники гранитные».

– В списке не хватает еще гробов, – улыбнулся Макс, – и услуг землекопов.

– А что, нормальная комплексная программа: потрахался, заболел, лечился, умер, похоронен, тебе памятник поставили – все как надо. Думаешь, наше объявление лучше?

– Не наше, – тут же поправил Макс, – а этого... – и только сейчас он сообразил, что не знает даже имени человека, который дал им объявления и деньги за их расклейку. – Ты не помнишь, кстати, как его зовут?

Николай задумался.

– Точно... он ведь даже не представился, но как-то так хитро это сделал, что я и не заметил.

– Нормальное объявление, получше других, – и тут же вслух прочел текст, под которым еще темнел свежий клей: «Предлагается высокооплачиваемая работа (до тысячи долларов в месяц) мужчинам и женщинам до сорока лет. Прописка и гражданство значения не имеют. Необходимы инициативность и хорошее здоровье».

Внизу был напечатан номер телефона той самой квартиры, которую снимали Макс с Николаем.

– Что-то мне не по себе, когда вижу наш номер телефона на каждом столбе.

И Макс тут же представил себе, как в квартире раздастся звонок и участковый милиционер заинтересуется, по какому праву они принимают заказы по устройству на работу и что это такая за работа, где можно без особого труда заработать тысячу долларов в месяц. А ответов на эти вопросы ни Макс, ни Николай не знали, они лишь согласились за пятьдесят долларов расклеить объявления и еще за сто в течение двух недель принимать телефонные звонки.

Заказчик, мужчина лет сорока-сорока пяти, вышел на них практически случайно. Подошел к ним в пивной, когда ребята обсуждали свои финансовые проблемы, и с ходу предложил заработать. Но не назвал ни своего имени, ни фирмы, которую представляет. А в сегодняшние дни о сути бизнеса как-то не принято спрашивать, неудобно. Мало ли почему человек скрывает подробности – уходит он налогов, боится наезда конкурентов. Многие сейчас работают через подставных диспетчеров.

– Пошли, нечего тут торчать, – Николай толкнул в плечо Макса, и ребята зашагали по проспекту к следующей остановке.

В пакете еще оставалась целая пачка объявлений, клея в банке – до половины. До рассвета красные броские листки следовало пристроить на фонарных столбах, чтобы с утра уже быть готовыми принимать телефонные столбы.

– На что деньги потратим? – спросил Макс.

– Их не так много, чтобы долго думать, – отозвался Николай, – да и сотку мы еще не получили.

– Но полтинник уже есть.

– За квартиру заплатить придется.

– За квартиру родители заплатят, незачем им говорить, что мы еще и подрабатываем.

– Ты помнишь, что еще этот мужик сказал?

– Конечно. Если хороню пойдет, сотрудничество продолжим.

– Мне почему-то показалось, что больше он с нами работать не будет.

– Почему?

– Я по глазам вижу. Говорит и как-то на тебя не смотрит.

– Показалось тебе. Где он еще двух таких дураков найдет, которые за полторы сотни баксов две недели на него работать станут?

– Тоже мне, работа, – воскликнул Николай, – через день по очереди на телефоне сидеть, адреса записывать! Вот если бы объявление в газете дали, тогда бы телефон у нас не смолкал.

А так мы их только в нашем районе на столбах расклеим. Позвонит человек сорок, не больше, уж я-то знаю.

– Сам ты у него поработать за штуку баксов не хочешь?

– А ты отвечаешь требованиям насчет здоровья, что ли?

– Конечно! Чего им отвечать? Две руки есть, две ноги, два глаза, конец, когда не надо – болтается, когда надо – твердеет, не алкоголик и не наркоман. Но работать мне у этого мужика не хочется.

– Почему?

– По нему видно, что если штуку баксов заплатит, то сам себе в карман пять положит.

На проспекте показался милицейский «уазик». Машина сбавила скорость и, подъехав к самому бордюру, стала сопровождать молодых людей. Те занервничали.

– Не оглядывайся на них.

– Почему?

– У тебя по морде видно, что ментов боишься.

– Тише говори, а то услышат.

– А ты пакет не к груди прижимай, а в руку возьми, как все нормальные люди. А то такое чувство, будто ты там краденое несешь. Сейчас, как проверят, и штраф нам влепят, ровненько на те самые полторы сотни баксов.

«Уазик» пока не останавливался, но и обгонять парней не спешил. За стеклом виднелось довольное лицо милиционера сержанта, он внимательно всматривался в парней.

– Какого черта тащимся, – сказал напарник, – видишь же, не пьяные?

– Раз не пьяные, значит, наркоманы, – отозвался более опытный сержант. – Ребята молодые, значит, или пить должны, или наркотиками балуются.

– Баб они вышли снять, видел, как пакет к груди прижимали? Небось спиртное там, на последние деньги купленное. С родителями живут, вот и трахаться им негде, решили прости-туток снять, – перенес свои проблемы на студентов милиционер.

– Почему до сих пор не сняли?

– Ты же сам видел, от самого метро на проспекте ни души.

– Не нравятся они мне чем-то. Останови, документы проверю.

– Какой же дурак из дому с документами выходит, если он, конечно, на кавказца не похож? Эти два не похожи, наши ребята, русские, светлоголовые.

– Холодно из машины выходить, – вздохнул сержант, – да и не делают они ни хрена такого, за что прицепиться можно.

– Настоящий милиционер должен уметь и к столбу прицепиться.

– Ладно, поехали, а то ребята уже волноваться начинают.

Коротко просигналив, «уазик» выехал на середину дороги и помчался в сторону центра. Николай глубоко вздохнул.

– Что за жизнь идиотская пошла? Вечно себя виноватым чувствуешь: и в институте, и перед ментами на улице, будто ночью уже и гулять нельзя.

– К тебе они приставали?

– Нет.

– Так чего ты ментами остался недоволен? Ехали, нас увидели, решили посмотреть, а вдруг пьяные. Видят – трезвые, и поехали себе дальше.

– Да, тяжело деньги даются, – вздохнул Николай, вновь заглядывая в пакет, не разлился ли клей.

– Если еще раз клеить придется, то я тебе наперед совет дам – кисточку до половины обрежь, чтобы банку можно было крышкой закрыть.

– Где ж ты раньше был со своими советами?

Еще полтора часа ушло у ребят на то, чтобы расклеить остальные объявления. И, лишь выбросив в урну мешок с вымазанной клеем баночкой, Николай вздохнул свободно и облегченно.

- Пошли отсыпаться.
- Думаешь, с самого утра тебе по телефону звонить начнут?
- Всегда найдется идиот, который посчитает, что позвонить в шесть утра не только можно, но и нужно.
- Сегодня моя очередь звонки принимать.
- Аппарат у нас дурацкий, без регулятора громкости. Хоть тебе и принимать, а проснемся оба.

Глава 2

Осенью дожди всегда серые.

Сквозь пелену дождя неслись автомобили с включенными фарами, а по тротуару, легко перепрыгивая через лужи, бежал высокий мужчина в разбитых кроссовках, спортивных штанах неопределенного цвета с двойными белыми лампасами и в темно-синей майке с короткими рукавами. Он бежал очень ровно, и казалось, что ноги, обутые в тяжелые кроссовки с замысловатой рифленой подошвой даже не касаются мокрого шершавого асфальта.

Борис Рублев бежал легко, большими шагами. С проезжающих мимо машин на него поглядывали кто с нескрываемым восхищением, кто с презрением, а кто и просто с интересом.

– На спортсмена похож, – переговаривались пассажиры автомобилей и пассажиры автобусов, троллейбусов, прижимая лица, расплющивая носы о мокрое запотевшее стекло.

Борис Рублев дышал ровно и напоминал сам себе локомотив, мчащийся по рельсам, причем не в полную силу, а так, чтобы просто разогреть мотор.

Один поворот, второй... Квартал, еще квартал...

Вот и ограда парка. С деревьев срывались листья – желтые, красные, охристые, падали на мокрый асфальт, прилипали к нему. Иногда подошва кроссовки раздавливала багряный кленовый лист, и на асфальте оставались темно-красные, бордовые пятна.

«Словно кровь», – думал Борис Рублев, глядя вперед, ритмично дыша.

Он бежал с такой скоростью, что не слышал ударов собственного сердца. Мышцы постепенно прогревались, наполнялись горячей кровью, и Борис Рублев получал удовольствие от этого, в общем-то, быстрого утомительного бега, от прохладного осеннего воздуха, от назойливого дождя. Но уже вскоре дождь не казался назойливым, он даже был приятен.

Когда до дома оставалось метров пятьсот, Рублев побежал еще быстрее и наконец услышал биение сердца. Мышца сокращалась уверенно, ритмично, как кузнечные мехи. У входа во двор Комбат сбросил скорость и перешел на быстрый шаг.

Он подскакивал, размахивал руками, резко поворачивал торс то право, то влево. На спортивной площадке у школы он подошел к перекладине, подскочил, уцепился за скользкую влажную трубу и двадцать раз легко вознес свое тело. Несколько раз перевернулся через перекладину, а затем принялся делать подъем переворотом. Все движения были отточены, выверены, он выполнял простые упражнения как заправский гимнаст.

Наконец соскочил на землю, уперся кулаками в землю и стал отжиматься. Сколько раз он сделал это упражнение, не знал, да и никогда не считал. Он делал его до тех пор, пока не почувствовал усталость, пока спина не стала мокрой и майка не прилипла к телу.

«Ну вот, хватит», – решил он, несколько десятков раз перепрыгнул через бревно, провел серию ударов руками, ногами и уже в конце выполнил несколько замысловатых прыжков и таких же замысловатых ударов ногами.

– Хватит, – сказал он сам себе, запрокинул лицо, подставляя его сырому ветру и мелким каплям осеннего дождя, – теперь душ, а затем завтрак.

Так было всегда. Уже много лет, проснувшись, Комбат десантно-штурмового батальона Рублев, правда, теперь в отставке, начинал свой день с пробежки и занятий физкультурой. Он держал себя в форме, не расслабляясь ни на один день.

Правда, иногда случались перебои, но они были вынужденными и непродолжительными – неделя или две. И снова жители района видели высокого сильного мужчину, который, невзирая ни на дождь, ни на ветер, ни на холодный снег, бежит по улице широко и легко, похожий на охотника, преследующего добычу.

Приняв душ, Рублев растерся большим махровым полотенцем. Чайник уже вскипел, завтрак был довольно скромный: пара бутербродов, большая чашка чаю. На подоконнике в кухне стояла чисто вымытая широкая пепельница, круглая, с высокими бортиками.

Пепельница была вымыта идеально. В ней лежала открытая пачка сигарет. Рублев знал, в пачке восемнадцать сигарет, не хватает лишь двух. Рядом с сигаретами – стальная зажигалка «Zippo», подарок Андрея Подберезского.

Три недели Комбат уже не курил, он решил вести правильный образ жизни. Другой на его месте убрал бы пачку куда подальше, чтобы глаза не видели, но Рублев был не таким человеком. Он знал: если сигареты спрячет, то это будет его мучить еще сильнее, нежели вид сигарет, лежащих прямо перед глазами на расстоянии вытянутой руки. Но преодолеть это расстояние – ничтожно малое – Рублев не мог.

Он сказал себе три недели назад, вот так же утром:

«С сегодняшнего дня я не курю, но сигареты прятать не стану. Пусть лежат, пусть напоминают мне о моем существовании и о моем обещании не курить».

Так же три недели Борис Рублев не пил.

Подберезский, узнав о том, что Комбат бросил курить, сразу же принялся шутить, но Рублев его обрезал:

– Я, Андрюха, могу бросить курить, а вот тебе слабо – понял?

– Мне слабо? – взъерепенился Андрей.

– Тебе слабо.

– Да ничего не слабо, Борис Иванович, просто я не хочу себя мучить.

– Просто ты боишься, Андрюша.

– Чего?

– Пообещать себе и не выполнить.

– А ты? – спросил Подберезский.

– Я не боюсь. Сигареты будут лежать на подоконнике, но я к ним не прикоснусь.

– Что бы ни случилось? – спросил Подберезский.

– Что бы ни случилось. Пусть даже мой дом уйдет в тартарары, провалится, к сигаретам я не притронусь.

– Так может, пить тоже не будешь?

– И пить не буду, – сказал Комбат, бросая эту фразу не Андрею Подберезскому, а направляя ее внутрь себя, как приказ, внутренний приказ, отменить который не может никто, кроме него самого, Бориса Рублева. Но отменять он не станет.

– Слушай, Борис Иванович, может, тебя кришнаиты охмурили или какие другие сектанты? Может, ты в баптисты подался?

– Чего-чего? – переспросил Комбат.

– Я говорю, может, тебя ксендзы польские, как того Козлевича, охмурили или попы?

– Какие еще попы, какие ксендзы, Андрюха?! Никто меня не охмурил, я сам принял решение и буду его выполнять.

– А до каких пор, – ехидно улыбнулся Подберезский, – день, два продержишься, ну, от силы три?

– Нет, – сказал Комбат, – никогда больше не буду курить.

– А пить? – последовал тут же вопрос.

– Насчет пить – не знаю, водка не такой наркотик, как сигареты, и не такая пагубная привычка. Так что пить я скорее всего буду, но пока – не хочу.

– Ну-ну, Борис Иванович, – улыбнулся Подберезский, – странный ты какой-то стал, выдумываешь лишь бы что, словно тебе и заняться нечем.

– А мне, Андрюха, действительно, заниматься особо нечем, разве что собой, собственным здоровьем.

– Ну, ты уж совсем как пенсионер...

– А я и есть пенсионер.

– Шел бы к полковнику Бахрушину работать, он же тебе предлагал.

– Я не хочу идти на службу.

– А почему?

– А по качану, – сказал Комбат, хватая Подберезского и легко отрывая от земли. – Ты, Андрюха, кстати, – поставив друга на пол, сказал Комбат, – килограмма на четыре или на пять растолстел.

– Я растолстел? – крикнул Подберезский.

– Ты растолстел, не я же!

– Ну может быть, немножко.

– Спортом надо заниматься и курить бросай, как я.

– Нет, Комбат, я курить не брошу. Ты на меня будешь смотреть и завидовать, будешь слюнки глотать.

– Думаешь, глотать стану?

– Куда ты денешься! Я уже сам несколько раз бросал, но решил, зачем мучиться, придет время и брошу.

– Какое время?

– Когда мой организм скажет: «Подберезский, бросай курить, а то сдохнешь!».

– А если поздно будет?

– Бросить курить никогда не поздно, – отрезал Подберезский.

Этот разговор Комбат вспоминал часто и иногда внутренне проклинал себя за свою же заносчивость. Если с алкоголем было проще, то без табачного дыма, без сигарет Комбат мучился ужасно. Правда, его мучений никто не видел.

О том, как это тяжело, знал только он сам. Самым трудным временем была ночь: тяжело, почти невозможно отказаться от закоренелой привычки выкуривать на ночь, перед самым сном, сигарету. Сейчас же Комбат не курил, зато во сне он дымил со страшной силой. Во сне он выкуривал иногда по несколько пачек сигарет, наслаждаясь табачным дымом. А утром просыпался разбитым, невыспавшимся и почему-то кашлял, как чахоточный курильщик, которому лет семьдесят. Но вот уже несколько дней как стало чуть полегче. Вполне возможно, легкие и организм начали понемногу очищаться от никотина.

Позавтракал Борис Рублев безо всякого аппетита. Настроение сложилось ни к черту, и Комбат прекрасно понимал, с чем это связано. Имелись две причины, обе веские: во-первых, бросил курить и начал изнурять себя воздержанием, а во-вторых, и, может, это было самым главным, Рублев не мог долгое время находиться в подвешенном состоянии и бездельничать. Его неумной натуре нужна была такая работа, которая поглощала бы его всецело, не давая ни о чем думать, кроме самой работы.

Он включил старенький автоответчик на своем телефоне – подарок друзей и, расхаживая в большой комнате, в которой, несмотря на холод, окно было распахнуто настежь, начал прослушивать магнитофонную запись. Никаких звонков не поступало, и это Рублева расстроило.

«Хоть бы какая сволочь позвонила, – подумал он и криво улыбнулся. – Нет, так нельзя, так жить нельзя. Мучу себя почему-то... Кому и что я собираюсь доказать? Если себе, то ведь о себе я все знаю, а если другим, то зачем?»

От этих вопросов Рублеву становилось не по себе. Он вообще не привык рассуждать и предаваться долгим размышлениям, он был человек действия.

«Может, позвонить Андрюше Подберезскому? – подумал он. – Или прямо Бахрушину?»

Звонить Бахрушину не хотелось. Что-то в последнее время в их отношениях разладилось. То ли Борис Иванович Рублев стал не нужен полковнику ГРУ Бахрушину, то ли у самого полковника возникли какие-то проблемы, и ему было не до Рублева.

Недовольно взглянул на часы. Было еще сравнительно рано. Борис подошел и оперся локтями о подоконник, почти наполовину высунувшись из окна. Две дворничихи сгребали опавшие листья в большие золотистые ворохи. Смотреть на этот процесс было приятно, он отвлекал от навязчивых мыслей.

Затем одна из дворничих взялась поджигать листья. Смяла газету, долго возилась со спичками. Наконец газета загорелась, и женщина принялась подсовывать ее под ворох влажных листьев, пряча в середину. Листва задымилась, дым медленно пополз вверх, и вскоре Борис Рублев ощутил его терпкий, щекощущий ноздри запах.

Так всегда пахнет листва осенью. Что-то странное и волнующее есть в этом запахе. Осень Борис любил, она ему нравилась всегда. А вот к весне относился с легким презрением. Ему не ложилось на душу кипение крови в организме, не по душе была весенняя суeta и напряженность.

«Закурить бы сейчас», – мелькнула шальная мысль, но Борис раздавил ее в своем сознании, как давят назойливого комара – абсолютно безжалостно.

Дворничиха продолжала меланхолично сгребать опадающую листву. В квартире сделалось совсем уж тихо, и настроение у Комбата было ни к черту.

«Какой-то я издерганный, словно от меня несуществующая жена ушла и даже не объяснила почему.»

Вдруг эту гнетущую тишину нарушил звонок – не дверной, а телефонный. Борис даже встрепенулся.

«Интересно, кто это может звонить в такую рань?»

Он взял трубку, уже по звонку догадываясь, что это междугородный.

– Аллю, слушаю!

– Здравия желаю, – услышал он в трубке знакомый и родной голос.

– Бурлак, ты, мать твою?

– Я, Борис Иванович, а то кто же!

– Ну где ты, что ты? – тут же обрадовался Борис Рублев.

– Как это где – у себя в Сибири.

– Черт бы тебя подрал, Гриша, забрался невесть куда. Видимся раз в год, да и то не всегда.

– Ага, Борис Иванович, – услышал он в трубку голос Гриши.

– Ну как ты там?

– Да я нормально, дела засосали, ни вздохнуть, ни выдохнуть.

– Плюнь на дела, Гриша, друзья дороже.

– Это точно, Борис Иванович. Вот я о тебе вспомнил и звоню.

– Спасибо. Случилось что или так?

– Случилось, Борис Иванович. Надо будет сделать вот что... Правда, я не надеялся тебя застать дома... – пространно принялся объяснять Бурлаков.

Комбат оживился до невероятности, он вместе с трубкой направился в кухню, где на пепельнице лежали сигареты, и рука уже сама чисто механически потянулась к пачке, но тут же мужчина отдернул пальцы от пачки, словно бы она была раскалена докрасна и могла обжечь. И зло выругался, забыв, что прижимает трубку к уху.

– Ты на кого это, Борис Иванович? – услышал он голос Гриши.

– Да не на тебя, на себя.

– За что это ты так, Комбат, себя не любишь? Вроде мужик выдержанный, а материшься, как на плацу.

– Ай, Гриша, – вздохнул Рублев, – курить бросил, вот и мучусь.

– Так не мучься, Борис Иванович, закури.

– Не могу.

– Почему не можешь? Силу воли испытываешь, что ли? Так она у тебя и так железная, все знают.

– Да нет, Гриша, все-то знают, а я сам себе доказать должен.

– Вот что, Борис Иванович, я бы с тобой подольше поговорил, да времени нет, партнеры ждут.

– Вот видишь, Гриша, как для партнеров, так у тебя времени хоть отбавляй, а на однополчанина, так сказать, для боевого командира, и пяти минут нет.

– Пять минут есть как раз.

– Тогда рассказывай, как там у вас в Сибири. Только не говори, что холодно, это я и без тебя знаю.

– У нас хорошо, приезжай, поохотимся.

– Я с тобой, Гриша, уже наохотился. Как приеду к тебе, так вечно в какую-нибудь историю втыкаемся.

– Нет, сейчас без историй. Возьми Андрюху, и приезжайте, я вас встречу, как всегда.

– Знаю я, как всегда у тебя получается...

– А звоню я вот чего, Борис Иванович. Звонил Андрюхе, его не застал ни на работе, ни в тире, ни дома, – нигде его нет.

– По бабам, наверное, пошел, – улыбнулся Комбат. – Он же холостой пока.

– Может, и так, а может, и еще где пробавляется. Встреть поезд.

– Какой поезд, Гриша?

– Из Сибири, какой еще. В шестом вагоне у проводницы для тебя и Андрюхи посылка.

– Большая? – спросил Комбат.

– Надеюсь, ты одной рукой поднимешь, мужик-то ты здоровый.

– Опять дары леса?

– Ага, – засмеялся в трубку Бурлаков. – Мяса кусочек...

– Знаю я твой кусочек, пуда на два?

– Ну не на два, а на пуд. Орешки кедровые, рыба сухая, мед, грибы.

– Гриша, ты с ума сошел, я же это все не съем!

– Поделись с ребятами, – действительно сказал Бурлаков, – у меня этого добра хватает.

– Да ладно тебе – хватает! Сам бы лучше приехал, хоть с пустыми руками.

– Кстати, Борис Иванович, там, в валенках, найдешь бутылку, настоящую на травах, по старинным сибирским рецептам.

– Да что б ты сдох, валенки в Москве даже последний бомж не наденет, – расхохотался в трубку Комбат, – я и пить бросил!

– Вот уж в это я не верю. Во все что угодно могу поверить, а в это – никогда, хоть ты меня распни!

– Приеду – распну.

– Ты бы не обещал, а взял да приехал. Если денег нет – пришлю.

– Есть у меня деньги, Гриша.

– А чем занимаешься, Борис Иванович?

– Ничем, собственно говоря. Оттого и тоскливо.

– А Андрюха чем занимается? Наши-то у тебя появляются?

– Появляются иногда. Андрюха, как и раньше, – тир, бабы, дела какие-то. В общем, его не поймешь.

– Ты небось, Комбат, только что с пробежки?

– Ага, с пробежки. А как ты угадал?

– На часы посмотрел и угадал, это несложно.

Борис Иванович услышал голоса и понял, что его друга Бурлакова кто-то действительно требует к другому телефонному аппарату.

– Ну так что, все?

– Все, вагон запомни – шестой.

– Шестой или седьмой?

– Шестой, шестой, там девушка такая симпатичная, проводница, блондинка длинноногая с большой грудью. Я сказал, что встретят посылку двое очень хороших мужчин.

– Ладно тебе, Гриша, успехов. Звони.

– Сам позвонишь, Борис Иванович, как разберешься.

– В смысле, когда съем? Так это будет не скоро.

– Как получишь, позвони, я к вечеру буду на месте.

– Хорошо, Гриша, спасибо.

– Ну давай, Комбат, до встречи.

В трубке послышались гудки. Рублев стоял, держа трубку в руках, и расслабленно улыбался – так, словно был ужасным сластолюбом и ему перепала большая ложка меда. Даже курить не хотелось: приятно, когда про тебя не забывают.

Рублев потер руку об руку, затем несколько раз звонко хлопнул в ладоши.

«А где же Подберезский, черт бы его подрал?» – и принялся названивать Андрею. Но ни один из трех известных ему телефонов не ответил.

– Непонятно, – сказал Рублев, – ну да ладно.

Он взглянул на часы. До прихода поезда оставалось полтора часа.

«Машина вроде бы заправлена, – задумался Комбат. – Да-да, я вчера ее заправил, ездил немного, так что горючего мне хватит.»

Одевался Рублев быстро, это было армейской привычкой. Он всегда требовал от своих подчиненных уметь быстро собираться, но и сам умел. Так что через две минуты Рублев был готов.

А дворничиха на улице все еще продолжала шуршать метлой. В квартире пахло терпким дымом свежесгоревшей листвы, мужчина улыбался, расхаживая по комнате. Настроение у него было уже приподнятым, словно не посылка прибыла из далекой Сибири, а приехал сам давний надежный друг Григорий Бурлаков.

«Молодец, Гриша, – подумал Борис Иванович. – Золотые у меня ребята, никогда не подведут. Вот уж молодцы! Где этот Андрюха?»

В памяти всплывали лица его подчиненных, сослуживцев, многие из которых не вернулись домой. Но те, которые вернулись, были комбату десантно-штурмового батальона дороги, ведь каждый из них доказал себе и другим, что он настоящий мужчина.

Рублев остановился перед большой фотографией над диваном. На снимке было человек пятьдесят, все в камуфляже, все с оружием.

«Вот он, Гриша, – Рублев смотрел на молодого широкоплечего парня, который на полголовы возвышался над другими. – Эх, сибиряк, сибиряк, лучше бы ты сам приехал. Я бы даже позволил себе выпить, а вот курить бы не курил. И вы бы мне все завидовали. Опять бы все собрались, повод как-никак... Ну да ладно».

В приподнятом настроении Борис Рублев добирался до вокзала. Утренняя суeta, нервное движение на улицах абсолютно его не злили и не раздражали. Он уступал дорогу всем, кто спешил, прижимался к тротуару, вежливо пропуская пешеходов, – в общем, на дороге вел себя Борис Иванович Рублев образцово. На вокзале долго искал место, где припарковаться, наконец воткнул свою машину в центре площадки, закрыл дверцу и направился на вокзал.

Борису Рублеву нравились вокзалы, порты, аэропорты. Он любил смотреть, как уплывают корабли, как, стуча колесами, гудя и фыркая, отъезжают поезда. До прихода поезда оставалось еще добрых полчаса, и Рублев прохаживался, оглядываясь по сторонам.

На вокзале царило оживление, звучали громкие объявления о прибывающих и отходящих поездах, о том, что вагон такой-то находится в хвосте поезда или в голове. Все это бывший комбат слушал не очень внимательно – чужие проблемы.

Наконец он услышал, на какой путь прибывает нужный поезд, и оживленно потер рука об руку, словно ему предстояло обнять кого-нибудь из своих друзей и крепко сжать мозолистую ладонь.

На вокзале было очень много подростков и детей, просящих денег, чтобы купить еды. Но к Рублеву они почему-то не подходили. То ли вид у него был не очень богатый, на нового русского не тянул, то ли вообще он выглядел грозно и походил на работника правоохранительных органов в штатском.

«Да, детей много. Чертова власть, куда она смотрит? Совсем детьми не занимается. Да и родители, черт бы их подрал, за детьми не приглядывают.»

Были на вокзале беженцы из различных регионов – во всяком случае, за таких они себя выдавали, грязные, вонючие. Они сновали как тени, прижимаясь к стенам, и бросались к выходящим из поездов мужчинам и женщинам, чей внешний вид подсказывал, что у них есть деньги и у них можно пожить на бутылку пива.

Длинное зеленое тело поезда медленно подъехало к платформе и, дернувшись, остановилось. Тут же проводники взялись протирать поручни, открывать двери, сбрасывать ступеньки.

Рублев шел вдоль состава, уступая дорогу людям, которые выгружались с чемоданами, баулами, всевозможными корзинками. Вот и шестой вагон. Действительно, проводницей оказалась симпатичная невысокая блондинка со стройными ногами и огромной грудью.

– Здравствуйте, девушка, с приездом, – сказал Рублев и улыбнулся в усы.

– Здравствуйте, здравствуйте, – как-то небрежно бросила проводница.

– Мне тут передавали.

– Так это вы Борис Рублев? Или Подберезский?

– Я Рублев.

– А документы у вас есть?

– Есть, – сказал Рублев, вытаскивая из кармана водительское удостоверение.

– Верю, это я так. Ваш друг описал вашу внешность, так что ни с кем не спутаешь.

– Seriously?

– Да, – сказала девушка. – Пойдемте, я не смогу вытащить ваш баул.

– Такой тяжелый?

– Тяжелый – не то слово.

Она провела Рублева в свое маленькое купе и показала на верхнюю полку.

– Вот, берите.

Рублев поднял руки и потащил на себя баул. Весил этот баул не меньше сорока килограммов, но Борис Иванович легко опустил его и поставил на пол одной рукой.

– Может, вам помочь? – улыбнулась проводница.

– Да нет, спасибо, я и так справлюсь. И не такой уж он тяжелый.

– Ничего себе, не тяжелый! А что там ваш друг передал?

– Всякую всячину, гостинцы.

– Хороший мужчина.

– Хороший, – согласился Рублев.

Он выбрался с баулом из вагона, минут пять еще поговорил с проводницей о погоде в Сибири, о том, что делается в Москве. Девушка явно набивалась на свидание, но Борис Ивановичу она не очень понравилась, хотя была, в общем, нормальной и не пошлой, самое главное.

– Спасибо вам большое.

– А у меня даже ваш телефон есть, – вдруг сказала она.

– Как это? – не понял Рублев.

– Мне ваш друг дал, на всякий случай. И еще какого-то Подберезского Андрея три номера.

– Есть такой у нас общий знакомый.

– Если бы вы не пришли, то пришлось бы звонить.

– Но, как видите, не придется, я появился.

– Слава Богу, – как-то уже холодея, произнесла девушка, понимая, что ничего с этим привлекательным широкоплечим мужчиной у нее не получится, и заспешила по своим делам в вагон, на прощание махнув Рублеву рукой.

Тот легко поднял баул, даже не сгибаясь под его тяжестью, словно баул был портфелем с бумагами, двинулся вдоль состава. Когда он подошел к своей машине, то увидел, что машина сияет, вымыты стекла, даже колпаки на колесах сверкают.

«Черт подери, – подумал Рублев, – машина была грязная. Может, это не моя?»

Но номер совпадал, ключ подошел к багажнику, тот легко открылся. Рублев опустил в багажник тяжеленный баул, захлопнул крышку.

И тут услышал за спиной:

– Ну что, дядя, нравится вам машина?

Рублев обернулся. Перед ним стоял парнишка лет двенадцати, с грязными руками и грязным лицом, в болоньевой куртке, лыжной шапочке, в длинном синем шарфе, разбитых ботинках и потертых рваных джинсах. В руках мальчишка держал ведро из-под краски и тряпку.

– Это ты помыл?

– А то кто же? – сказал парень.

– Разве я тебя об этом просил?

– Нет. Но я подумал и решил, машина грязная, стоит вымыть.

– А почему ты эти не помыл? – с интересом рассматривая маленького собеседника, осведомился Рублев, кивнув вправо и влево. С одной стороны стояла грязная «Вольво», а с другой – джип «Опель фронтера», тоже невероятно грязный.

– А мне в этих машинах люди не понравились, сразу видно, жадные.

– А я тебе понравился, что ли?

– Ага, понравились. Вы, дядя, не жадный и, наверное, дадите мне денег.

– Зачем тебе деньги?

– Как это зачем? Работу я сделал, хочу поесть.

– Ты что, голодный?

– Ага, голодный. Давно не ел. Вчера вечером ел, гамбургер мужик дал за то, что я машину вымыл.

И тут по машине забарабанили капли дождя. Мальчишка зло глянул в небо, его шея была худая и грязная.

– Вот невезуха! – дрожащим голосом произнес паренек.

– Да уж, невезуха, – запрокинув голову, подставляя лицо крупным каплям дождя, сказал Рублев. – А ну давай, приятель, садись в машину.

– Нет, так не пойдет, – сказал паренек.

– Почему не пойдет? Что, мы так и будем стоять под дождем и мокнуть?

– Вы садитесь, а я постою.

– Так ведь тебе же нужны деньги, а не мне.

– Сядешь с вами в машину, а вы меня куда-нибудь завезете и того...

– Чего-чего? – нахмурил брови Борис Иванович Рублев.

Парнишка рукавом вытер мокрый лоб.

– Того... Сами знаете, чего можете со мной сделать.

– Я с тобой? – изумился Комбат.

- Вы, а то кто же.
- Извини, друг, я тебя не совсем понимаю.
- Да все вы понимаете, просто прикидываетесь валенком.
- А ты, собственно, откуда? Как тебя зовут?
- Вот это уж не ваше дело.
- Родители у тебя есть?

Лицо паренька сразу же стало хмурым, глаза заблестели, словно из них вот-вот брызнут слезы.

- Были родители, да убили их.
- Как убили?
- Убили, да и все, – неохотно ответил паренек.
- А ну-ка, давай садись в машину, – Комбат подошел, причем настиг паренька в два шага, тот даже не успел дернуться и броситься наутек.

– Э, э, ведро! – вдруг закричал он.

– Какое еще ведро? – заталкивая в салон на заднее сиденье своего нового знакомого, переспросил Рублев.

- Ведро с тряпкой.
- Где оно?
- Вон там стоит, возле джипа.

И действительно, Комбат увидел пластиковое ведро из-под краски с коричневой тряпкой.

– Это, что ли?

– Ага, это.

– Зачем оно тебе?

– Как это зачем, это же мой инструмент. Я при помощи него деньги зарабатываю.

– К черту твое ведро! – Комбат закрыл дверь.

Паренек сидел, вжавшись в спинку заднего сиденья.

– Так как тебя зовут?

– А вас? – вопросом на вопрос ответил парнишка.

– Меня зовут Борис Иванович, а фамилия моя Рублев, – совсем официально представился Комбат.

– Борис Иванович Рублев?

– Да, Борис Иванович Рублев.

– Ясно. А меня зовут Сергей Сергеевич Никитин.

– Ну так вот, Сергей Сергеевич, пойдем куда-нибудь, я тебя покормлю.

– Куда это мы пойдем?

– Куда ты предлагаешь, туда и пойдем.

– Только не к вам домой и не к вашим знакомым.

– Да нет, к знакомым мы не пойдем, надо тебя покормить, хотя, в общем, тебя вымыть бы не мешало. Ты грязен, Сергей Сергеевич, как кот помойный.

Сергей втянул голову в плечи, немного испуганно заморгал и попытался спрятать грязные руки в карманы. А руки у него были действительно грязные – красные, распухшие, с черной каймой под ногтями.

Что-что, а решения Борис Рублев принимал быстро, молниеносно.

– Значит, так, друг ты мой. Зовут тебя Сергей Сергеевич.

– Да.

– На самом деле?

– На самом. А вас? – еще раз спросил парнишка.

– Меня зовут Борис Иванович Рублев, чтоб мне сдохнуть.

– Борис Иванович Рублев, – прошептал парнишка.

– Да, точно, – по-военному сформулировал Комбат. – Я не спрашиваю, откуда ты взялся на этом вокзале и что ты здесь делаешь. Понимаю, жизнь у тебя не сложилась, правильно?

– Точно, – сказал Сергей.

– И наверное, ты голоден.

– Не очень. Только курить вот хочется.

– Чего-чего? – не поверив парнишке, переспросил Рублев.

– Курить, говорю, хочется. У вас в машине можно закурить?

– У меня в машине можно, но я тебе не советую.

– Это еще почему? – парнишке явно не понравилась та категоричность, с которой пресек его желание незнакомый сильный мужчина.

На бандита его новый знакомый был не похож, но и на сотрудника правоохранительных органов он тоже не походил.

«Странный какой-то тип, – подумал Сергей, – может, приставать начнет? Еще чего не хватало! Я этого не люблю даже за деньги.»

Машина заурчала и резко сорвалась с места.

– Э, э, куда мы? – парень хотел открыть дверцу.

– Сиди! – приказал Рублев таким тоном, что ослушаться было невозможно.

– Едем ко мне.

– К тебе домой?

– Да.

– И что мы там будем делать? – с безнадежностью в голосе задал вопрос Сергей Никитин.

– Ну, во-первых, ты приведешь себя в порядок, помоешься. Затем я тебя покормлю.

– А потом? – почти шепотом спросил Никитин.

– Потом посмотрим.

– Вы это... ко мне...

Только сейчас до Комбата дошло, чего опасался паренек.

– Да ну, брось, ты что, с ума сошел? Я что, по-твоему, похож на тех, кто пристаёт к детям?

– Нет, не очень, – неуверенно произнес Сергей.

– Тогда в чем дело?

– Мчимся, мчимся!

В тепле, в машине парнишка сразу размяк, втянул голову в плечи, откинулся на мягкую спинку сиденья и почти мгновенно задремал. Он проснулся, лишь когда машина уперлась передними колесами в бордюр, и тут же принялся испуганно оглядываться, не понимая, где он и что с ним произошло. В последние несколько дней Сергею Никитину не везло, спал он мало, и поэтому тепло, покачивание автомобиля и негромкая музыка его сморили и бросили в сон.

– Не беспокойся, приехали, – сказал Рублев и выбрался из машины.

Сергей оглядывался по сторонам. Место было незнакомое, сколько времени они ехали, он не знал, где сейчас находится и на каком конце города – не подозревал. Но убегать ему не хотелось, он смирился со своей новой участью.

А мужчина уже открыл багажник автомобиля, легко вытащил из него баул, поставил на лавочку у подъезда.

– Давай.

Они смотрелись довольно странно: грязный ребенок и огромный, сильный мужчина.

– Идем, идем, не бойся, – сказал Комбат, похлопывая по худому плечу Сережу. – Вперед, не дрейфь, поднимайся по ступенькам.

– По ступенькам? – переспросил Никитин, забегаая на крыльцо.

В подъезде он растерялся.

– Там лифт, – сказал Комбат, кивнув в темноту, – опять сорванцы лампочки выкрутили. Ну ничего, я до них доберусь! – последняя фраза прозвучала безо всяких угроз, как-то дежурно, как обычно ворчит пожилой человек на своих внуков, которых любит и понимает.

Сергей нашел кнопку, нажал, двери лифта тут же разошлись. Борис Рублев несильно подтолкнул в спину, парнишка вошел в кабину, за ним продвинулся, держа баул одной рукой, Комбат.

– Какой этаж? – немного сдавленным голосом произнес Никитин.

– Сам нажму, – и Комбат ткнул указательным пальцем в верхнюю клавишу.

Двери сошлись, шелкнули, и лифт, урча и скрежеща, стал медленно вздыматься вверх. Горела красная кнопка, три нижних были черные, обожженные спичками и сигаретами, да и лифт смотрелся не очень чисто.

Сергей стоял, облокотясь худыми плечами о стену. Щелчок, кабина замерла.

– Ну, давай выходи, бродяга.

– Я не бродяга, – немного обиженно произнес Никитин.

– Ладно, извини. Выходи. Держи ключи, открывай.

Парнишка не справился с нижним замком, и Комбату пришлось самому повернуть ключ.

– Проходи.

Дверь захлопнулась. Рублев понес баул в кухню, а Никитин остался стоять в коридоре, немного испуганно моргая светлыми ресницами. Все, что с ним случилось, ему не очень нравилось, но и угрозы для него пока видимой не было. Так что он не знал, что предпринять – то ли броситься убежать, то ли смиренно ждать, чем все это кончится.

– Вначале помоешься, – сказал Борис Рублев, глядя на паренька, – а я за это время приготавливаю чего-нибудь поесть.

– Я не хочу, – вдруг сказал Сергей.

– Чего не хочешь?

– Не хочу мыться, не хочу есть. Отпустите меня, Борис Иванович!

– Опустить тебя? А я тебя и не держу, хочешь идти – иди.

– Где мы?

Рублев назвал свой адрес.

– Так это же у черта на куличках!

– Да, далековато, но до метро не очень далеко. Можно пешком за две минуты дойти, а там, думаю, ты доедешь до своего вокзала.

– Доеду, – сказал Никитин.

– Но я бы тебе этого делать не советовал. Вот что, иди мойся. Вода горячая у меня есть, мыло и мочалка тоже. Так что – вперед.

«Странный какой-то мужик», – подумал Сережа и почему-то вдруг смирился с новым положением и понял, что самым лучшим выходом из этой ситуации будет полное послушание с его стороны и выполнение всех приказов этого странного здоровяка.

– Давай не стесняйся, солдат!

«Какой я ему солдат?»

Жилище Бориса Ивановича Рублева пареньку показалось удивительным: никакой роскоши, никаких ковров, но все чисто и аккуратно. Курить ему захотелось так сильно, что даже засосало под ложечкой, а во рту скопилась слюна. Только вот беда, сигарет у Сергея не нашлось, а пачка с торчащими сигаретами лежала на подоконнике в большой хрустальной пепельнице.

– Можно закурить? – немного робко, но в то же время развязно спросил паренек.

– Нет, нельзя, – жестко обрезал Рублев, – я не курю.

– Как это не куришь, если сигареты лежат!

– Я бросил и тебе советую.

– Бросил? – словно бы не поверил услышанному Никитин.

– Да, бросил. Уже почти месяц не курю.

– Ничего себе! А зачем?

– Решил бросить – и бросил.

– Что, вы все так делаете?

– Как так? – спросил Комбат.

– Решил – и сделал.

– Стараюсь, – признался Рублев. – А ты давай зубы мне не заговаривай, побыстрее мойся. Сейчас я тебе сделаю ванну.

От этой странной заботы в душе у Сергея потеплело, но настороженность не проходила.

«Все-таки странный тип. Привел к себе домой, я же могу стащить что-нибудь, деньги, драгоценности, часы, видик.»

Паренек заметил, что на телевизоре стоит большой видеомэгнитофон, а под ним, в тумбочке, за стеклом, в три ряда кассеты.

В ванной шумела вода. Струя вначале была в гулкое чугунное дно, затем ванна начала наполняться. Вода уже просто плескалась.

Появился Рублев. Рукава его рубахи были закатаны, руки – мокрые.

– Смотри, солдат, сколько я тебе пены сделал.

– Я никакой не солдат.

– Все мужики для меня или солдаты, или никто.

– Как это все?

– А вот так.

На вешалке в прихожей висел пятнистый бушлат без погон, с многочисленными карманами.

«Военный или мент, наверное, – подумал Никитин, – правда, какой-то странный, необычный. Матом не ругается, не орет, разговаривает негромко, но очень властно. Попробуй такого не послушаться, так голову двумя пальцами оторвет.»

– Давай раздевайся, что смотришь? Глянь, сколько пены, – Рублев вошел в ванную, закрыл воду. – Иди, иди, не стесняйся, я на тебя смотреть не буду. Вот тебе чистая майка, – и Комбат вытащил из стенного шкафа аккуратно сложенный тельник, подал пареньку. – Настоящая воздушно-десантная.

– Не может быть!

– Точно тебе говорю, настоящая.

Сергей уже успел заметить в комнате над диваном большую фотографию, на которой были солдаты с автоматами – много солдат – и среди них хозяин этой квартиры.

– Ну что ты медлишь? Стаскивай свою грязную куртку, снимай разбитые обувки, все это оставляй здесь.

Сергей закрылся в ванной комнате. Ему даже хотелось повернуть защелку, но потом он подумал, что этого делать не стоит: хозяин обидится. Забрался в ванну. Вода была приятная, горячая, и Сергей вспомнил, что последний раз мылся недели две с половиной назад. Он сидел в ванной, смотрел по сторонам на белую плитку в капельках воды, на зеркало, на стеклянную полку с одинокой зубной щеткой и бритвой.

«Да, странный тип. Как-то у него все не так, как у людей.»

А Борис Рублев в это время распаковывал баул, присланный Бурлаком. И чего в нем только не было! Даже запах ткани, в которую были завернуты продукты, и то вызывал прилив слюны и посасывание под ложечкой. А пахло травами, перцем, лавровым листом, мясом, рыбой и сушеными грибами.

– Ну, Гриша! Ну, клоун! – приговаривал Борис Рублев, разбирая увесистый баул. – Мяса пруд пруди, роту можно накормить. И на кой черт мне все это? – радостно думал Комбат, поднося к носу огромный окорок. – Ну и запах! Ладно, Сережку накормлю.

Для себя Борис Рублев почти не готовил, питался наспех, с уважением относился лишь к завариванию чая. А вот ко всему остальному отношение было, в общем-то, пренебрежительное, хотя готовить он и любил, и умел. Но ведь не станешь же готовить для одного себя! Никто, кроме тебя, не оценит таланта.

Сейчас же в квартире появился гость, ради которого стоило постараться. Хотя и стараться-то, в общем, не надо было, ведь еды и продуктов у Комбата хватало. А тут еще и посылка Бурлакова подоспела, так что можно было бы устроить шикарное застолье.

«Вот, правда, пить я себе запретил», – поглядывая на литровые штофы с золотистой водкой, размышлял Комбат.

В водке плавали какие-то травы. Комбат знал лишь одну, длинную, плоскую, – зверобой. Остальные травы ему были неизвестны. Ни сопроводительного письма, ни даже маленькой записки в бауле не нашлось. Хотя, что тут пояснять, и так все видно, и так все ясно.

Комбат резал мясо, рыбу, хлеб, мазал бутерброды, ставил на плиту чайник. Все делал быстро, расторопно, умело – так, как это может делать лишь мужчина, умудренный жизненным опытом, и никогда не научится делать женщина.

Все, что оказалось на столе, выглядело настолько соблазнительно и аппетитно, что Рублеву хотелось тут же сесть на табуретку, набросать себе на тарелку всего понемногу, выпить рюмку сибирской водки, настоящей на травах, затянуться крепкой сигаретой и улыбнуться в усы. Но делать этого Комбат не стал.

«Всему свое время, каждому овощу и фрукту свой час и свой черед», – подумал Борис Рублев и услышал, что вода в ванной уже перестала шуметь.

– Ну, как ты там? – громко спросил Рублев.

– Ничего, – услышал в ответ чуть испуганный голосок.

А голос у Сережи уже начинал ломаться и из детского превращаться в подростковый, юношеский. Иногда звучали басовитые нотки.

– Все хорошо, Борис Иванович, все хорошо.

– Ну-ну, давай поторопись, а то чай остынет.

Борис Рублев на кухне разлил по чашкам кипяток, добавил заварки, себе много, а гостю чуть-чуть, для аромата. Уже через десять минут мужчина и паренек сидели напротив друг друга. Комбат почти не ел, он смотрел, как жадно, огромными кусками отправляет себе в рот мясо и рыбу его гость.

– Ты не стесняйся, ешь, – говорил Комбат, а сам лишь прихлебывал круто заваренный чай.

У него даже сердце сжималось, когда он смотрел, как ест паренек.

– Давай не стесняйся. Вот этот кусок возьми, он повкуснее будет, – и Комбат, аккуратно подцепив вилкой снесь, накладывал и накладывал гостю то из одной тарелки, то из другой.

А паренек все ел и ел.

– Давненько ты, наверное, не сидел за столом? – произнес Рублев.

– А что, заметно? – двигая челюстями, с полным ртом, пробурчал Никитин.

– Говорю, за столом ты давно не сидел.

– Да, давно, Борис Иванович, – почему-то Сергею хотелось называть этого мужчину по имени-отчеству. Он даже не делал для этого над собой какие-либо усилия, получалось самопроизвольно, словно бы Рублев был его классным руководителем или любимым учителем.

– В школу ты, конечно, не ходишь.

– Конечно, не хожу.

– А хочешь?

– Не очень, – признался Никитин.

– А почему так?

– Да я уже полтора года в школу не хожу.

- А сколько классов закончил?
- Пять, – признался Никитин.
- Всего пять?
- Пять классов закончил, и даже без троек.
- Потом что?
- А потом началось. Но я не хочу рассказывать про это.
- Про что – «про это»?
- Паренек замкнулся, даже жевать перестал, лишь пил чай.
- Закурить можно?
- Нет, нельзя, – строго сказал Комбат.
- Хоть одну сигарету, хоть половинку...
- Я же сказал нельзя, значит, нельзя!
- Тогда какого черта они лежат прямо на подоконнике? Издевательство форменное!
- Силу воли надо воспитывать.
- Какую силу? Какой воли? Зачем?
- В жизни пригодится.
- Ничего мне уже не пригодится! Да и к черту такую жизнь!

Паренек говорил убежденно, у Комбата от его слов даже мурашки по спине побежали. Как это можно в тринадцать лет так не любить жизнь? И он почему-то вспомнил себя в таком возрасте. Вспомнил, как не мог дожидаться лета, вспомнил все свои развлечения, рыбалку, речку, лес, теплую воду, теплые дожди, смех друзей. Почему-то вспомнил лошадей, велосипед.

- Послушай, Серега, а где твои родители?
- Нет у меня родителей.
- Слушай, с ними случилось что-то, погибли?
- Да, погибли.
- Родственники у тебя есть, братья, сестры?
- Сестра была.
- А с ней что случилось? – негромко осведомился Рублев.
- Ее изнасиловали, а потом застрелили.
- Кто? – задал вопрос Комбат.
- Бандиты.
- Какие бандиты?
- Кто ж их разберет, какие они? Фамилию я у них не спрашивал.
- А с тобой что случилось?
- Они думали, что меня тоже убили, а я вот взял и выжил.
- Тебя убить хотели или случайно вышло?
- Не спрашивал. Сюда мне саданули, – Никитин слез со стула, задрал тельняшку, показал на правом боку под ребрами большой красный шрам. Такие шрамы Комбат знал очень хорошо, он даже вздрогнул.
- Сейчас уже ничего, зашили, вылечили, в больнице три месяца лежал. Есть у меня тетка, да она меня видеть не хочет.
- Что же это за тетка такая?
- Она с мужем живет, мне, в общем, не родная. Сволочи они, мешочники.
- Чего?
- Мешочники они.
- А ты откуда сам?
- Из Таджикистана. Мы жили возле границы.
- Если не хочешь, не рассказывай.
- Не хочу.

У Никитина уже дергалась щека и левое веко. Комбат понял, его гость нервничает и разговор этот для него слишком тяжел.

– Ладно, на, закури, – Комбат взял пепельницу, сигареты, зажигалку и положил все это перед гостем. – Бери, бери, если уж так тебе тяжело, закури, может, легче станет.

– Не-а, – сказал Никитин, – не станет. Но я закурю.

Парень для своих лет говорил слишком серьезно, слишком по-взрослому.

– А занимаешься ты чем?

– Когда?

– Ну вообще.

Никитин передернул плечами.

– Воруя, машины мою.

– Что воруешь?

– Что придется, Борис Иванович.

– Так ты вор или кто?

– Наверное, вор.

Борис Рублев заметил на тонкой худой шее Никитина черную тонкую нитку.

– Что это у тебя, крестик? – спросил он.

– Нет, не крестик.

Паренок вытащил из-под тельника, который был ему велик, небольшой медальон величиной с пятикопеечную монету. Комбат смотрел. Сережа снял через голову черный шнурок, несколько секунд медлил, затем протянул Комбату.

– Он открывается? – спросил Рублев.

– Да, только плохо. Давайте я сам.

Через полминуты медальон открылся.

– Вот, смотрите, это мать, а это я с сестрой.

В медальоне была очень маленькая фотография.

– А отец где?

– Как это где, – улыбнулся Сергей, – он же нас фотографировал.

– Документы у тебя какие-нибудь есть?

– Не-а, никаких. Зачем они мне?

– Как это зачем? У каждого человека должны быть документы.

– Так это у человека. А я ведь кто – вор, попрошайка, мойщик машин.

– А если тебя милиция схватит?

– Они, Борис Иванович, документы не спрашивают, завезут в спецприемник, а там уже разбираются. Меня, кстати, там знают, уже четыре раза там побывал.

– И что? – как-то грустно задавал вопросы Комбат.

– Ничего. Я от них убегал.

– Как убегал?

– Не могу я там находиться, душа свободы просит.

– Чего-чего? – переспросил Комбат.

– Свободы душа просит, – Сережка взял сигарету, сунул в рот, щелкнул зажигалкой, затянулся. И тут же закашлялся.

– Нельзя тебе курить, Серега, молод ты еще.

– Но я, между прочим, не только курю, но и пью, – принялся перечислять свои пороки Сергей Никитин.

– И что в этом хорошего?

– А что плохого? Выпью – легче становится.

– Наркотиками не балуешься?

– На наркоте деньги нужны, а их у меня нет. Правда, иногда бывают.

– Когда что-нибудь сопрешь?

– Ага.

– Наелся?

– Я могу есть долго, я, кстати, могу все это съесть.

– Тогда съедай, не стесняйся.

– Вот передохну, Борис Иванович, а потом все съем.

– Ну, ну, давай, – улыбнулся Комбат.

– А вам не жалко?

– Чего? – спросил Рублев.

– Ну, еды, например...

– Не жалко, Серега. Мне тебя жалко.

– А чего меня жалеть? Вы меня жалеть не должны, вы же мне не родня.

«Да, не родня, к сожалению», – подумал Комбат и почувствовал ужасное одиночество, такое одиночество, от которого даже в висках закололо.

Глава 3

Виталий Конопацкий уже второй месяц околачивался в Москве. Не жил, не работал, а именно околачивался – так он сам определял свою теперешнюю жизнь. Приехал он в российскую столицу из Горловки, которая под Донецком. В свое время отслужил в воздушном десанте. Демобилизовавшись, подался в милицию, но к тридцати годам не заработал ни на квартиру, ни на машину. Друзья, его одноклассники, кое-как устраивались в жизни, кто хуже, кто лучше, но все уже обзавелись семьями. И жены бывших друзей не очень-то радостно встречали холостяка, когда тот приходил в гости, хотя за глаза и любили поставить его в пример мужьям. Мол, много не пьет, не курит, каждое утро занимается спортом.

И наконец-то по прошествии десяти лет – после армии – Виталий Конопацкий понял, что его неустроенность в жизни идет от нехватки денег. Не хватало их ему катастрофически. Завод, на котором он работал, простаивал три недели в месяц, зарплату же выдавали чем придется и когда придется, обычно сахаром. А попробуй продай его за живые деньги на Украине, когда всему городу выдали зарплату тем же самым, чем и тебе! Российские перекупщики, иногда приезжавшие в Горловку, скупали сахар мешками за смешные деньги, которые позволяли хоть как-то прожить месяц.

Виталий из газет знал, сколько стоит сахар в Москве, и поэтому чувствовал себя обделенным, когда подсчитывал истинную стоимость мешков, скопившихся в квартире, где он жил вместе с родителями. Из теленовостей он знал, что деньги у русских в провинции такая же редкость, как и в Горловке, водятся они лишь в крупных городах да в столице, там и сто баксов, казавшихся ему заоблачным богатством, не деньги.

Дни проходили за днями, а уверенность в том, что перекупщики бессовестно наживаются на нем, не покидала Конопацкого. Не раз в мечтах он уже представлял себе, как со своим сахаром отправляется в Москву и продает его по настоящей цене за российские рубли. Меняет рубли на доллары, а потом преспокойно живет целый год в Горловке, не опасаясь очередного витка инфляции, вновь собирая мешки, заставляя ими подвал, кухню и коридор. Он представлял себе это так отчетливо, что даже слышал хруст новеньких купюр, полученных в обменнике. Но вся загвоздка состояла в том, что ему не на чем было отправиться в Москву, не загрузишь же свой неподъемный товар в проходящий поезд!

Возможно, мечты так и остались бы мечтами, если бы не сосед Виталия, работавший водителем грузовой машины – тягача с фурой – в одном из автопредприятий города. Сосед любил выпить и постоянно ходил по подъезду, одалживая деньги. Отдавал их, правда, регулярно, но не из зарплаты, которую полностью забирала жена, а из сэкономленных командировочных. Деньги соседи давали ему не с большой охотой, но с уверенностью, что они вернутся назад. Командировки случались часто, иногда и в Россию, и тогда соседу Конопацкого платили огромные по местным понятиям деньги – по десять долларов в день.

Вот уже неделю Виталий Конопацкий находился в отпуске. Он специально придержал его до осени, потому что летом на заводе работы было больше, цеха старались загрузить на тот период, когда не надо тратить на отопление. С наступлением же осенних холодов работа на заводе замирала окончательно.

После обычной утренней пробежки Виталий вернулся домой и, облившись холодной водой, – горячую в дом не подавали уже с полгода – принялся за завтрак. На кухне было не повернуться, всю стену от самого холодильника и до двери занимали мешки с сахаром, колючие и серые, на вид абсолютно несъедобные. Но, как бывшему десантнику, Виталию такой интерьер даже нравился, словно бы дом готовили к долговременной осаде и через день-два мешки водрузят на окнах, соорудив из них огневые точки.

В дверь позвонили. А чайник в этот момент, как назло, лишь закипал, его свисток отдавался глухим сипением.

«Черт, – пронеслось в голове Конопацкого, – может, опять инспектор из Энергонадзора? У меня за электричество уже полгода не плачено, вновь начнут грозить, что отключат от сети...»

Но потом вспомнил, что оба последних раза инспектор Энергонадзора наведывался вечером, когда люди приходят с работы.

«Можно и открыть», – решил Конопацкий и пошел к двери.

Сквозь неплотно прилегающую дверь он уловил резкий запах перегара, адскую смесь дешевой водки, лука, чеснока и залежалого сала.

«Снова Иван деньги одолжить пришел», – подумал Виталий и захотел на цыпочках отойти от входной двери. Отказывать соседу он не умел, а денег оставалось в кошельке всего двадцать гривен.

– Эй, Виталик, – в дверь несколько раз ударили кулаком, – это сосед, открой!

Виталик затаился, боясь выдать свое присутствие.

– Да я же слышал, ты дома. Думаешь, я деньги одалживать пришел?

«Именно так я и подумал», – решил Конопацкий, но тут же сосед поспешил уверить его в обратном.

– Отдать, сосед, пришел, открывай!

Получалось неудобно: сперва притворился, что его нет, а потом открыл. Но Иван был человеком без комплексов. Он широко улыбался, упершись двумя руками в дверной проем, чтобы не упасть, по его глазам было видно, выпил он совсем недавно, глаза еще не утратили утренней свежести и здорового блеска.

– Во... иду и думаю, надо же деньги отдать, прежде чем домой идти, – произнес слово «домой», Иван вспомнил о жене и покосился на нижнюю площадку, где располагалась его квартира. – Дай, думаю, сосед, к тебе зайду, а то моя змея услышит, выбежит и вмиг отберет.

– Мог бы и позже отдать, – сказал Виталий, пропуская Ивана в дом.

Иван тут же закрыл дверь и навалился на нее спиной. В саму квартиру дальше прихожей Виталий соседа никогда не пускал, зная, что стоит тому сесть, как поднять его можно будет только подъемным краном, настолько словоохотливым родился Иван.

– Я вот что подумал, если не отдам сразу, то с утра пропить могу.

– Что ж, справедливо, – ответил Виталий, подумав, как это его соседа еще держат на автобазе шофером, как он ухитряется проходить медкомиссии, не попадаться ГАИ за рулем с остаточным алкоголем.

Понадежнее прислонившись к двери, Иван принялся копаться в многочисленных карманах пиджака. Из каждого он доставал несколько купюр, мятых, переложенных в несколько раз.

– Я их чего в разных карманах держу, – пояснял Иван, – как пить начинаю, то вытаску из одного кармана и подумаю, что уже все, а потом, утром, – хлоп, смотрю, еще есть! Сколько я тебе должен?

Эту фразу Иван произносил каждый раз, когда приходил отдавать деньги. Одалживал он понемногу, но часто, иногда приходил в таком виде, что сразу становилось понятно: через десять минут он забудет, где брал деньги и брал ли вообще. Какую бы сумму долга ему ни называли, он всегда соглашался. Можно было бы и сейчас сыграть на этом, но у Виталия совесть имелаась.

– Сейчас, – он сбегал на кухню и вернулся очень быстро, боясь, что Иван пройдет в квартиру. Но тот нетвердо держался на ногах и не рискнул лишиться опоры. – Вот, – Виталий развернул помятый блокнотик, где на одной из страниц имелись графы, сколько и когда одалживал Иван.

– Молодец, что записываешь, а то Петренко, – и Иван несильно стукнул головой в дверь, тем самым он хотел напомнить, что Петренко живет в квартире напротив, – никогда, гад, не записывает. А потом я сам должен помнить. А где ж ты упомнишь, я же пьяный беру, сколько дал, столько и взял! Говорит, мол, сам вспоминай! А я и ошибиться могу. Нет-нет, ты мне не показывай, – тут же замахал руками Иван, когда Конопацкий попытался показать ему записи, – верю тебе. Сколько?

– Двадцать две гривны.

– Ни хрена себе, – вырвалось у Ивана, – это сколько же я водки выпил! Нет, – тут же призадумался он, – сам столько выпить не мог. Друзья, сволочи, сами денег не дают, бутылочку принесут, а потом за добавкой мне бегать. Нет-нет, ты не подумай, я не отказываюсь, – и он принялся мусолить деньги.

Расставался с ними Иван легко, зная, что, раздав долги, сможет снова с легкой душой ходить и побираться по соседям вновь хоть сегодняшним вечером.

– Я же не бомж какой, – приговаривал он, – а водитель, зарабатываю, в командировки езжу. Если я взял, то знай – отдам. Вот теперь в Москву посылают. А знаешь, сколько платят? – Иван хитро улыбнулся. – Одних командировочных десять баксов в день.

Эту новость Иван сообщал каждый раз на протяжении всех последних лет.

– В Москву? – переспросил Виталий сперва машинально, лишь для того, чтобы поддержать разговор, а затем повторил более осознанно: – В Москву командировка, говоришь?

– Наши в гараже заказ исполняли, коммерсанты какие-то пять движков от «ЗиЛа» отгрузили. Наши им капитальный ремонт сделали, теперь назад повезу. Они хитрые, нашим копейки платят, а свои, московские, за такую работу не берутся. Вот, двадцать и две, – Иван протянул деньги. – Чего не берешь? Если сейчас не отдам, то пропью.

– Один едешь или с экспедитором?

– Один. На кой хрен мне экспедитор, если всего пять движков на всю фуру? Что я, не посчитаю до пяти, что ли? Не дурак.

– А пассажиров тебе брать можно?

– Место в кабине есть, – еще не поняв, к чему клонит сосед, сказал Иван.

– Сахар мой завезти сможешь?

– Завезти-то не проблема... А на кой хрен его тебе в Москву переть, родственники там живут, что ли?

– Нет, я продать хочу.

– А, – заулыбался Иван, – так я и свой сахар везу, у меня тоже два мешка дома стоит. Сеструха у меня там живет, мужик у нее в ментовке работал, а потом посадили его, так она теперь в однокомнатной осталась. Я ей сахар вместо квартирных заплачу, а она мне – бумажку организует, будто я в гостинице жил, – Иван захихикал, потому что, глядя на него, невозможно было представить, что такой человек может останавливаться в гостинице, ведь там живыми деньгами платить надо, а их куда приятнее пропить.

– Надолго ты туда?

– Дня на четыре, на пять, как получится. Начальник говорил, будто попутный груз из Москвы есть, ждать придется. Я сам твой сахар не продам, покупателя искать нелегко. Бензин, масло моторное я продавать умею, а сахар – нет.

– Я сам с тобой поеду, можно?

Иван задумался.

– Можешь деньги пока не отдавать, это за использование твоей машины, идет? – Виталий всмотрелся в пьяное лицо Ивана. Тот пьянел на глазах, скорее всего выпил прямо за углом дома вместе с друзьями, и теперь водка его догоняла.

– Чего ж не свозить, свожу, – и Иван вновь принялся рыться по карманам. Извлек пластиковую папку, скрученную в трубку, а из нее накладную, присел на корточки и расправил

на колене. К тому, что его не пускают в квартиру, он уже привык и не обижался. – Сколько у тебя мешков сахара?

– Десять.

– Так... И моих два, – Иван достал ручку, но не решился писать на тонкой бумаге прямо на колене, поняв, что прорвет накладную. – Возьми, Виталий, допиши вот здесь к пяти двигателям еще двенадцать мешков сахара.

Подделка была настолько идиотской и наивной, что Конопацкому показалось, в нее не поверит ни один милиционер.

Но Иван поспешил успокоить его.

– Я уже не раз так делал. Фирма, куда двигатели везу, липовая, им бумаги на хрен не нужны, там не спросят, что это за мешки такие в накладной появились. А накладную выкину на хрен, все равно она поддельная, с начальством москвичи наличными рассчитывались. А ее так, для проформы выписали, чтобы менты не цеплялись.

Дрожащей рукой Виталий вывел цифру двенадцать, затем еще в скобочках добавил прописью, стараясь подделаться под почерк, которым писали накладную, и внизу поставил большую букву «Z».

– Порядок! Послезавтра едем. Сеструхе позвоню, думаю, и ты у нее поживешь, деньги сэкономим.

Затем Иван тупо посмотрел на двадцать две гривны, зажатые в пальцах.

– С ними что делать?

– Себе оставь, за то, что мои мешки провезешь.

– Да нет, Виталий, нельзя так. Я тебя просто так свожу, ты же мне деньги одалживаешь.

– Не пойдет, я же не крохобор какой-нибудь! – Виталий взял купюры и засунул их в нагрудный карман Ивану.

Лишь после этого сосед успокоился.

– Все, заметано, – Иван сложил руки замком над головой и потряс ими. – Готовь сахар, едем.

– Ты не забудь о нашем уговоре!

– Да нет, я только о деньгах и о выпитом забываю, но если что пообещал, то делаю обязательно. Перед выездом на накладную гляну, увижу, что десяти мешков не хватает, и сразу про тебя вспомню. Я же пьяный за руль не сажусь, а трезвый все вспомню.

Иван еще долго тряс руку Конопацкому, потом вышел и благодарил, уже стоя по ту сторону двери, он даже не сразу заметил, что та закрыта. А через час Виталий уже сносил мешки с сахаром в подвал, откуда их было бы удобнее перегружать в машину.

* * *

В Москву они ехали без особых приключений. Да, их останавливала милиция, сперва своя, украинская, но долго не держала. Директор автобазы, в которой работал Иван, умел хорошо договариваться с милицейским начальством. Не цеплялись и первые посты на российской стороне, влияние начальника простиралось и на территорию сопредельного государства. Лишь на территории Московской области пришлось расстаться с двумя мешками сахара, которые стражи порядка безапелляционно затребовали выгрузить из машины, ничего не объясняя и не выписывая, естественно, никаких бумаг. Но Виталий не особо расстроился, ведь он понимал, без взяток проехать не удастся, еще хорошо, что взятки взяли натурой, а не деньгами, которых у него практически не было.

– Не расстраивайся, всяк в жизни бывает, – философски заключил Иван, к удивлению Виталия ни разу не приложившийся к бутылке за все время их путешествия, – сегодня они нас, завтра мы их. Лучше радуйся тому, что десять мешков осталось.

– Два из них ты уже твоей сеструхе обещал.

– Минусуй еще два, она четыре потребует за нас двоих, жилье в Москве дорогое.

Жила сеструха Ивана, которую звали Наташей, на первом этаже девятиэтажного дома, облицованного белой смальтой, почти при самом въезде в Москву с южного направления. Иван загнал свой «ЗиЛ-130» за контейнеры с мусором и отправился звонить в дверь. Конечно же, сеструхи дома не оказалось.

– Ты с ней хоть созванивался?

– Она сказала, что сегодня будет, но когда – хрен ее знает.

– Она кем у тебя работает?

– На вещевом рынке в палатке шмотками торгует.

Иван несколько раз рванул дверную ручку, но стальное полотно даже не дрогнуло.

– Сучка траханая, – ласково произнес он, – ждать придется. Может, выпьем? – предложил Иван.

– Нет, я не пью.

– Знаю, – с отвращением произнес сосед Конопацкого. – Тогда вот что: на тебе деньги, пусть у тебя побудут.

Он вынул все деньги, которые только у него были, вместе с документами подал их Виталию, а затем униженно, без особой надежды на успех, попросил:

– Выдай мне на две бутылки белой.

Получив деньги, Иван мгновенно исчез. Виталий же далеко от дома не отходил. Во-первых, боясь заблудиться, потому что адрес знал чисто визуально, а во-вторых, боялся надолго без присмотра оставлять машину с грузом, зная по прессе о крутых московских нравах.

Он просидел во дворе до наступления темноты, затем дождь загнал его в подъезд. Жильцы, возвращавшиеся с работы, подозрительно посматривали на молодого мужчину, сидевшего на подоконнике.

«Смотрят на меня, как будто я маньяк какой-то!» – подумал Конопацкий, почувствовав себя одиноким в чужом ему мире.

Очередная бабушка посмотрела на него так, что он не смог усидеть, а вышел из подъезда. Ему казалось, он уже больше никогда не увидит Ивана, сеструха Наташа – полный миф, а стальная дверь ее квартиры не открывалась со времен заселения дома.

Ивана он отыскал на лавке, тот лежал на ней под дождем, поджав под себя ноги, и спокойно спал.

«Вот скотина!» – подумал Виталий, но затем вспомнил, что Иван честно держался в дороге двое суток, не прикладываясь к горлышку, и теперь имел право расслабиться. Не виноват же он, что сеструхи не оказалось дома! То, что его соседа никто не сдал в милицию, воодушевило Виталия, значит, не такие уж черствые люди в Москве живут.

И он наконец-то решился помочиться, это желание обуревало его последние четыре часа. Он зашел за кусты, с которых облетели почти все листья, и, повернувшись спиной к дому, долго и с наслаждением мочился, стараясь делать это практически бесшумно – попадая на ветки. Когда он, застегивая брюки, вышел из кустов, то увидел возле Ивана огромную бабищу, разглядывающую спящего мужчину. Жирной ее назвать было нельзя, так как при всей полноте тело ее сохраняло женские формы, и довольно соблазнительные, если на любителя, хотя к любителям толстых женщин Виталий не относился.

Вид у женщины был настолько грозный, что первой мыслью, возникшей в голове Виталия, было: «В ментовку решила сдать!».

– Он со мной, не надо в милицию звонить, я его сейчас разбужу и уведу отсюда.

Бабища улыбнулась.

– Куда ты его на хрен уведешь, – говорила она ласково, с улыбкой, – это мой братуха, Иван. А ты небось тот колдырь, который с ним приехал? Сам-то чего не пьяный? Не налил Иван, что ли?

– Я не пью.

– Плохо, – сказала Наталья и осмотрелась. – Машину-то где оставили?

– За контейнерами.

– Нормально, значит, ее у меня из окна видно. Бери его, тащи.

Но Иван, благодаря холодному осеннему дождю, тут же проснулся, лишь только Виталий ввалил его себе на спину, так, как учили его в десанте носить раненых.

– Сеструха, – тут же признал он Наталью, – где ж тебя носило?

– Пошли, дурак.

Виталий осторожно спустил Ивана на землю. Тот, словно пробуя ее устойчивость, покачался, а затем шагнул к подъезду.

– Пить я тебе сегодня не дам, хотя и принесла.

– Сучка.

Наталья открыла дверь и вошла туда первой. Квартирка была совсем крохотная, комната метров двенадцать, кухня с прихожей и совмещенный санузел. Добрую треть комнаты занимали картонные ящики с тряпьем, предназначенным для продажи.

Иван сбросил куртку, спустил штаны, с укором посмотрел на сестру. Та отрицательно качнула головой, мол, и не жди, наливать тебе сегодня не буду.

– Ну и хрен с тобой!

Иван, раздеваясь на ходу, оставив на ковре мокрые ботинки, штаны, рубашку, улегся на небольшом диванчике возле самого окна. Наталья подбежала к нему, встряхнула и заставила пойти в ванную. Мылся Иван недолго – так, как делают это дети, чтобы успокоить родителей, а затем плюхнулся спать.

Виталий и Наталья остались сидеть на кухне. Женщина властно поставила на стол бутылку водки, достала из буфета рюмки.

– Выпей.

– Я не пью.

– Брось, нет таких людей, которые не пьют, – и она разлила «белую».

Виталий немного выпил и отставил рюмку, налитую до половины.

– Точно, видно, что не пьешь, – засмеялась женщина низким грудным смехом, – мужики, которые пьют, сразу все заглатывают – до дна.

– Мелкими глоточками пить не умею.

– Только ты не подумай, я не пьяница какая-нибудь. Иван, он выродец, – и Наталья прищурилась. – А может, ты мне мозги пудришь: такой же пьяница, как и братец, а из себя приличного корчишь? Хотя нет, – она разглядывала Виталия оценивающе, – ты бы уже надрался, не выдержал бы. Что хоть привезли?

– Двигатели Иван вез, так я с ним договорился, что он несколько мешков моего сахара в Москву завезет.

– Кому продавать будешь?

– У меня здесь знакомых нет.

– Он и мне два мешка привез, обещал, во всяком случае. Я знаю, куда их пристроить, но это не сразу делается, нужно цену хорошую найти, – женщина смотрела на Виталия с улыбкой.

Было по всему видно, что она обжилась в Москве основательно и считает себя чуть ли не коренной москвичкой, даже говорок особый появился.

Квартира была не особо ухоженной, но и не бедной. Стальная дверь, хороший телевизор, видеоманитфон, пылесос, кухонный комбайн. Вся техника была выставлена на виду, словно бы для того, чтобы сразу дать понять гостю: хозяйка – человек состоятельный.

– А точно можно будет за сахар настоящую цену взять? – спросил Виталий, нервно отпивая из рюмки еще один глоток.

– Вы что там, на Украине, с голоду пухнете, что ли? Много ты за него не выручишь, но помогу.

– Я поделиться могу.

– Брось, мне эти деньги – что раньше копейки были, медяки. Я женщина обеспеченная и самостоятельная. Если бы не братец-идиот, так жизнь бы вообще раем казалась.

Виталий ощутил, как его колени соприкоснулись с горячими коленями Натальи под узким кухонным столом. Но он еще был так измучен ожиданием и дальней дорогой, что практически не отреагировал на это, даже подумал – случайность.

Еще немного поговорили, и Наталья, выпив пару рюмок водки, подвела черту:

– Иди мойся с дороги, спать уже надо. Завтра с утра я на рынок еду.

– Спасибо за угощение.

Немного стесняясь женщины, Виталий вытащил из дорожной сумки чистую пару белья, зашел в ванную. Крючка или задвижки, как водится, на двери не было, зато висела шторка над ванной. На всякий случай задернув ее, Виталий принялся мыться.

Шампунь, стоящий на полке, оказался с очень женским запахом и даже кружил голову, мылился обильно, хоть Конопацкий и старался выдавливать его поменьше. Он слышал, как пару раз по коридору грузно прошла Наталья, задевая дверь плечом. Он наскоро вытерся полотенцем и с некоторой брезгливостью натянул поверх чистого белья еще влажные после дождя джинсы. Сполоснул в умывальнике намыленные носки и повесил их сушиться на горячей трубе за унитазом – так, чтобы их не было видно.

– Я уже освободил, можете мыться, – сказал он Наталье.

В ванной Виталий поразмыслил, как называть ему Наталью – на «ты» или на «вы», – и решил, лучше на «вы», так больше соответствует ее комплекции и статусу, как-никак она хозяйка квартиры, в которой он проживает на птичьих правах.

Иван уже вовсю храпел, ничуть не смущаясь тем, что свет в квартире горел во всю мощь – все шесть рожков лжехрустальной люстры. Конопацкий присел на краешек стула у разложенного стола-книжки и старался не смотреть на огромных размеров женщину, которая доставала из платяного шкафа всякую женскую амуницию: лифчик, в котором легко можно было носить два больших арбуза, кружевные трусики, более походившие на скатерть для средних размеров стола. Когда Наталья нагибалась, то сквозь обширные спортивные штаны с тремя серебристыми лампасами проступали округлые формы. Словно иголки впивались в глаза Виталия: то проступит резинка от трусиков, то ложбинка между ягодицами.

В его жизни было не так уж много женщин, появлялись они от случая к случаю, когда становилось уж совсем невмоготу. Связываться с ними Конопацкий боялся, считая, что все только и мечтают о том, чтобы женить его на себе. В общем-то, он недалек был от истины. Но между ним и сеструхой Ивана существовали совсем другие взаимоотношения, женщина просто-напросто не могла желать женить его на себе, как-никак у нее квартира в Москве, солидный, по горловским меркам, заработок.

Наталья, прижав к пышной груди охапку одежды, отправилась в ванную. По звуку, который оттуда доносился, Виталий понял, дверь плотно не закрыта, отчетливо слышалось, как струи воды бьются о пластиковую занавеску. И вновь вместе с паром поплыл запах шампуня, очень женский: так пахнет лесная поляна в знойный безветренный летний день, словно шепчет:

«Приляг, ощути, какая я мягкая, понежись в тепле солнца, которое льется на меня с небес».

Но расслабиться Виталию не давал еще один комбинированный запах, исходивший от Ивана. Во-первых, пахли носки, которые тот не снимал с себя всю дорогу, а теперь умудрился

вновь натянуть, приняв душ, а во-вторых, запах перегара. Смолк шум воды в ванной, послышался шелест занавески, шуршание одежды, тяжелое дыхание Натальи.

Когда она вошла в комнату, у Виталия даже не нашлось сил пошевелиться, он словно бы окаменел, сидя на краешке стула у стола, сложив руки, как прилежный ученик первого класса.

– С легким паром, – выдавил он из себя.

Ему показалось, что над женщиной клубится жаркое розовое облако из пара и ароматов. Наталья наклонила голову и принялась расчесывать длинные каштановые с рыжинкой волосы, они доходили ей до ягодиц. Сеструха Ивана лишь кивнула в ответ и принялась раскладывать диван. Делала она это легко, одной рукой, сдвигала увесистые секции матраса. Простыня взметнулась к самому потолку, а затем мягко, как парашют десантника, опустилась на зеленую обивку. Две огромные подушки легли в изголовье, и картину дополнило толстое, как ватовка, перьевое одеяло.

И тут Виталий сообразил, что больше кровати в квартире нет, и две подушки – это приговор, приговор спать на диване.

– Ну, чего сробел? – Наталья ласково, чуть ли не по-матерински улыбнулась и потрепала бывшего десантника по щеке мягкой и в то же время упругой ладонью.

Она расстегнула халат, и перед лицом Виталия качнулась сфера живота с выпуклым розовым пупком. Живот был настолько упругим, что в него даже не врезалась резинка кружевных трусиков. Сквозь кружева пробивались, как жесткая трава пробивается сквозь асфальт, рыжеватые, загнутые вопросительными знаками волоски. Виталий, одурманенный запахом, одурманенный тем, что он сразу видит так много гладкой женской кожи, уткнулся носом в мягкий живот и стал медленно подниматься со стула. Он еле дотянулся двумя руками до застежки лифчика, долго возился с ней под смех Натальи. А та, приподняв тяжелые груди двумя руками, прижала их к ушам Виталия, тот даже перестал слышать храп Ивана. Он лишь расстегнул пуговицы, а сбрасывал с себя одежду уже без помощи рук, топчя штанины джинсов. Белье ему снимала сама женщина.

– Свет, свет погасим, – стыдливо шептал он, уже лежа на женщине, чьи бедра были немногим уже двуспального дивана.

Он приподнялся и посмотрел из-под руки на спящего Ивана. Тот лежал, по-детски поджав ноги и подсунув под щеку сжатый кулак. Шторы на окне никто не додумался задвинуть, и сквозь окно первого этажа было видно, как по улице ходят люди. И тут Виталий сообразил, что не стоит задумываться о таких мелочах, как храпящий рядом брат хозяйки, как стекло, сквозь которое с улицы видно все, что происходит в комнате, видно так же хорошо, как рыбки в подсвеченном аквариуме. Понял он это потому, что с Натальей произошла самая удивительная метаморфоза, о которой Конопацкий не мог и догадываться.

Возбуждавшись, заведясь, женщина напрочь забыла о московском говорке, теперь из нее так и сыпались украинские слова, потому что уже говорил не ее разум, а душа, – душа, жаждущая любви и удовольствий. Она обхватила Виталия двумя руками, скрестила у него под ягодицами ноги и почти кричала:

– Швидче! О, це дило!

Конопацкий тыкался лицом ей в грудь и, когда женщина прижимала его к себе, чуть не задышался в ее мягком ароматном теле.

Ни он, ни Наталья даже не заметили, как проснулся Иван, как с минуту пьяно протирает глаза, глядя на то, что творилось на диване. Затем Иван сел, но даже перемена положения из лежачего на сидячее ничего не изменила в его видении, кроме ракурса.

– Во, бя! – только и сказал он, глядя на ступню своей сестры.

Наталья от удовольствия поджала пальцы, а кровь бежала по телу с такой силой, что на пятке переливались, молниеносно изменяя формы, ярко-розовые пятна. Цвет сменялся с

такой скоростью, с какой он сменялся бы у хамелеона, сядь он возле прожекторов на сельской дискотеке в зажиточном колхозе.

Наталья так прижимала к себе мужчину, что казалось, она хочет затолкать его в себя всего без остатка. Она раз за разом испытывала удовольствие, и Виталию казалось, что это никогда не кончится.

«Неплохая плата за постой, – думал он, сдерживая себя, чтобы не растратить силу прежде, чем женщина успокоится. – Интересное дело, кажется, у нее вообще нет костей, во всяком случае, я ни разу их не почувствовал, разве что в коленях.»

Наталья сыпала и сыпала короткими украинскими фразами. Наконец она глубоко вздохнула и замерла. После бури эмоций и движений Виталию даже показалось, что она умерла или, по крайней мере, заснула. Но вскоре он ощутил, что сердце ее бьется ровно, спокойно, увидел ничего не выражающие, кроме спокойствия, ее глаза.

Она даже не вздрогнула, когда Конопацкий кончил и устало сполз с нее. Наталья подвинулась, давая ему место у самой стены.

– Накройся, из окна дует, – вновь с московским говорком проговорила она, встала на колени и, абсолютно не беспокоясь о том, какая часть тела в этот момент обращена к окну, потянулась и погасила свет.

Вскоре она уже храпела, и храпела ничуть не тише, чем ее братуха Иван.

Наутро Конопацкий проснулся разбитым и невыспавшимся. Будильник заверещал в половине седьмого, Наталья отправлялась на вещевой рынок. Впервые за десять лет после армии Виталий изменил своей привычке, не отправился на утреннюю пробежку. Физической нагрузки ему хватило с вечера, он не чувствовал себя раньше таким разбитым даже после десятикилометрового кросса с полной выкладкой.

Доспать ему не дал Иван. Лишь ушла Наталья, как поднялся и ее братуха.

– Какого хрена спишь, не за тем мы в Москву приехали!

Затем внимательно посмотрел на Конопацкого, на диван со смятой простыней.

– Мне что, приснилось или как?

– Что?

– Ну, это... – Иван делал руками странные движения, словно жонглировал невидимыми футбольными мячами. – Кувыркались, это...

– Было.

– Гы-гы, – отозвался Иван, – сеструху мою трахнул, а по тебе не скажешь. В Горловке ты скромный, с бабой тебя ни разу не видел.

Виталию не хотелось продолжать эту тему, как не хотелось бы ее продолжать и любому другому мужчине, попавшему в подобную ситуацию. Ни он соблазнил женщину, а та буквально затащила его в кровать и заставила доставлять ей удовольствие, причем так и в таком количестве, как хотелось ей.

– Мне сейчас к коммерсантам ехать, – уже за завтраком сказал Иван, – сахар из машины в квартиру перетащить надо.

– Наталья сказала, что пристроит его.

– Сеструха это может, у нее торгашей знакомых навалом, не зря ты ее трахал.

Виталий потупился и, не поднимая глаз от тарелки с пережаренной яичницей, сказал:

– Продадим сахар – и сразу назад.

– Это само собой, хотя можно и задержаться, у меня командировка на неделю.

После завтрака мужчины перенесли мешки с сахаром в квартиру Натальи, отчего та стала еще теснее. И Иван покатил сдавать отремонтированные двигатели своим коммерсантам.

Виталий Конопацкий остался один. Ключей от квартиры ему никто не оставил, города он не знал и целый день просидел дома, тупо глядя в телевизор. Первые полчаса ему еще было интересно, так как он смотрел те каналы, которые в Горловке не принимались, но потом

потерял интерес к происходящему на экране. Везде говорящие головы, проблемы, которые его абсолютно не касались.

За целый день он так и не решился убрать висящие на спинке стула огромный бюстгальтер и трусики, которые не давали ему забыть о хозяйке дома.

Иван вернулся первый, радостный и довольный прожитым днем, с каким-то новым приятелем подозрительного вида. Вдвоем они устроились на кухне и принялись пьянствовать. Конопацкий к ним не присоединился.

Когда за окнами стусились сумерки, вернулась и Наталья. С ходу, прямо с порога, не раздеваясь, бросилась на кухню и, схватив за шиворот собутыльника своего брата, без лишних разговоров, ничего не выясняя, вытолкала его на улицу. Мужчина вяло сопротивлялся, полагая, что выгоняет его не сестра Ивана, а жена.

– Мы тут сахар перенесли, – напомнил Виталий, – вы вчера обещали, что найдете, кому его продать.

Наталью ничуть не смутило обращение на «вы», хотя после вчерашнего любой другой здравомыслящий человек иначе как на «ты» к ней не обращался бы.

– Пристрою. Я уже сегодня говорила.

– Почему?

– По хорошей цене.

Иван, пока его собутыльника выталкивали на улицу, успел допить содержимое второй бутылки. До этого он выпил и ту, что стояла в холодильнике, располовиненную вчера Натальей и Виталием.

– Спать! – грозно сказала женщина.

Иван попробовал было отшучиваться, но вновь прозвучало грозное:

– Спать!

Наверное, таким же тоном когда-то говорила и их мать. И это сработало, Иван сделался послушным, улегся на узком диванчике под окном. А женщина посмотрела на Конопацкого нежно и ласково, как вчера, не оставляя никаких сомнений насчет сегодняшней ночи.

И вновь все повторилось. Сперва принял ванну Виталий, потом женщина. На этот раз ощущения уже не были такими острыми. Он уже легко ориентировался в том, чего ей хочется, ее большое тело перестало казаться необычным, воспринималось как данность. Вновь звучали украинские слова, и вновь с утра Виталия оставили без ключа от квартиры.

На третий день Наталья взяла его с собой на вещевой рынок, чтобы помогать продавать товар, во всяком случае, она ему так сказала. Но когда приехали на место, Наталья дала ему немного денег и отправила погулять по рынку. Помощи ей никакой не требовалось, она спокойно со всем справлялась одна, ведь покупатели подходили не так уж часто, а места в палатке на двоих не хватало.

Вечером же Конопацкий понял, что его подло обманули, ни Ивана, ни машины уже не было.

– Уехал, – спокойно сказала Наталья, словно бы она оставалась целый день дома, а не вернулась вместе с Виталием.

– Как уехал!?

– Командировка у него кончилась, а я сахар еще не продала. Ты не волнуйся, – заметив, как побледнел Виталий, сказала женщина, – я уже обо всем договорилась. Приедут, заберут... по хорошей цене.

И тут Конопацкий понял, зачем пришлось его выманивать на рынок – для того, чтобы Иван мог уехать без него. Теперь же он остался в Москве один без денег на обратную дорогу, и эта бабища сможет держать его здесь, сколько ей заблагорассудится, пока не надоест.

Так оно и случилось. День проходил за днем, Виталий все еще продолжал называть Наталью на «вы», а та каждый раз сообщала ему, что не сегодня-завтра за сахаром приедут и привезут деньги. Он уже готов был бросить товар и вернуться в Горловку, но денег не было.

Через две недели Виталий добился-таки права иметь собственный ключ от двери. Наталья убедилась, что Конопацкий – парень честный и вещи на продажу из дому выносить не станет.

А еще через неделю с Конопацким стали здороваться соседи, признав за своего, за постоянного сожителя соседки, что чуть не довело его до бешенства. Он уже боялся приближения темноты, зная, что кувыркаться придется и этой ночью.

«Что ли месячных у нее нет?» – думал Конопацкий, подсчитывая дни.

Выходило, что нет!

Пару раз ему удалось заработать небольшие деньги. Он обошел все киоски в округе, и ему время от времени предлагали поработать грузчиком вместо ушедшего в отпуск. Получалось, что если не тратиться, то через месяц-два он наберет денег на обратную дорогу. Но, покрутившись немного в Москве, Виталий сообразил: многие, приехавшие сюда почти случайно, находили возможность зацепиться в городе, переселялись сюда и жили совсем неплохо. При желании и он бы мог жениться на Наталье, получить московскую прописку, сменить гражданство. Но сама мысль о том, что он становится приживалой при женщине, претила бывшему десантнику. Он хотел добиться успеха своими силами, хотел сам зарабатывать больше, чем хозяйка, и как человек, склонный к мечтательности, представлял себе, что однажды придет и выложит на стол деньги. Почему-то ему представлялись не российские рубли, а доллары – десять зеленых бумажек: выше его фантазия не поднималась. Тогда, ему казалось, все изменится, уже не Наталья будет трахать его, а он ее. И пусть ни в движениях, ни в разговорах не произойдет изменений, но сменится его мироощущение.

«Главное – то, что думаешь ты и что думает она, – рассуждал Виталий. – Она будет знать, что я с ней сплю не из-за денег, не из-за квартиры, а потому, что мне это не противно.»

Ко всякой физической нагрузке, пусть даже немыслимой, человек со временем привыкает или же... умирает от нее. Но тренированный Виталий Конопацкий выносил и испытания похлеще постельных упражнений с Натальей. Спецназ учит многому, в том числе и выживанию в экстремальных условиях.

Со временем исчезла утренняя ломота в суставах и ощущение невыспанности, похудел на пять килограммов, все-таки солидно ел он только один раз в день, часов в девять вечера, перед тем как сесть посмотреть телевизор и лечь в койку. Все остальное время Наталья проводила на вещевом рынке. Этих калорий хватало ровно настолько, чтобы удовлетворить женщину и почувствовать легкий голод, но подниматься, идти есть на кухню после акта не позволяла гордость.

По истечении месяца, проведенного в Москве, Виталий Конопацкий возобновил утренние пробежки не столько для того, чтобы поддерживать физическую форму, а чтобы доказать самому себе: жизнь течет по-прежнему и никакие женщины, пусть даже огромных габаритов, на него влияния не имеют.

Наталья не одобряла эти занятия, но и не высказывалась «против». Ей было все равно, лишь бы Виталий никуда не ушел от нее, лишь бы она могла найти его в своей постели по возвращении с вещевого рынка. Среди подруг, таких же торговок, как и она, Наталья называла Виталия не иначе как «машинка для траханья». К счастью, сам Конопацкий этих обидных для него высказываний не слышал.

* * *

Ненастным утром, когда моросил дождь, Виталий выбрался из подъезда, сдержанно поздоровался с мужиком из квартиры напротив, который вышел выгуливать собаку, и побежал трусцой к проспекту. По дороге он махал руками, разминая застывшие за ночь мышцы, и если в первые минуты он еще поеживался от холода, то когда оказался на тротуаре, пот покрывал его широкую спину. Он уже привык к тому, что такие же одержимые утренними пробежками, как и он, весело здороваются с ним. Некоторых он уже узнавал в лицо, хотя и не знал, как их зовут, времени останавливаться не было.

Он уже знал, кого встретит у коммерческих ларьков, новых, сияющих эмалевой голубой краской, – разминется с тучным мужчиной в тренировочных штанах с вытянутыми коленями. И еще долго тяжелое дыхание с хрипотцой будет преследовать его до самого перекрестка, а затем поток ревущих машин отрежет эти звуки. Он рассчитывал свой маршрут так, чтобы ни секунды не стоять на светофоре.

И вот за перекрестком, пробежав длиннющий девятиэтажный дом, Виталий увидел молодую женщину, которая отказывалась от утренних пробежек только в те дни, когда лил проливной дождь. Он никогда не обгонял ее, бежал сзади на расстоянии метров в двадцать, чуть сбавив темп, бегала-то она чуть медленнее его. Ему нравилось смотреть на ее стройное тело, туго обтянутое тренировочным костюмом, серебристым, блестящим. Эта женщина была полной противоположностью Наталье: худая, собранная, с небольшой, но четко оформленной грудью. Она ни разу не обернулась, хоть и знала, что Виталий следует за ней по пятам.

Конопацкий не отрываясь смотрел на ее бедра, видел резинки тонких трусиков, две дуги которых от бедер сходились в ложбинки между ягодицами и исчезали в ней. Лифчик женщина не носила, это было четко видно, когда она сворачивала, Виталий различал острые соски под тонкой материей спортивного костюма. Он так возбуждался в этот момент, что приходилось на ходу подтягивать плавки, чтобы скрыть возбуждение от посторонних глаз.

Женщина же краем глаза, наблюдая замешательство, улыбалась и встряхивала головой. У Виталия даже дух занимало, когда он видел разлетающиеся, сверкающие в капельках утреннего дождя соломенные волосы. Он так был очарован этим, что ему и в голову не приходило – волосы-то крашеные.

Женщина эта казалась ему наделенной неземной красотой, и в последнюю неделю, занимаясь любовью с Натальей, он мысленно представлял себе незнакомую бегунью, лишь тогда у него что-то получалось в постели. Но подолгу держать образ в памяти удавалось с трудом, уж очень разными были на ощупь тела, и обманывать себя с каждым днем становилось все труднее.

Виталий бежал за ней, зная, что минут через пять они доберутся до небольшого парка, расположившегося на холме, где есть площадка со спортивными снарядами. Вот тогда можно будет подобраться к женщине поближе, рассмотреть ее во всех ракурсах, при этом продолжая делать вид, что она его абсолютно не интересуется.

Бегунья заберется на шведскую стенку, сваренную из выкрашенных зеленой краской водопроводных труб, а он устроится на помосте для тренировки пресса. Снизу ему будет прекрасно видно, как натягивается материя спортивного костюма на тугих бедрах, как врежется в ложбинку четко простроченный шов брюк в тот момент, когда женщина, повиснув на руках, поднимает ноги под прямым углом, а затем медленно их разводит. И, если бы она занималась на спортивной площадке целый день, Виталий не ушел бы оттуда, таким увлекательным и возбуждающим было зрелище.

«Интересно, кто у нее муж? – думал Виталий, трусцой продвигаясь вслед за бегуньей. – На руке кольцо, но черта с два поймешь, обручальное оно или просто для красоты. В золо-

том ободке поблескивало несколько камней. Наверное, бриллианты, – думал Конопацкий, – а может, простые стекляшки.»

Спортивный костюм казался ему достаточно простым, а значит, дешевым. В названиях фирм он особенно не разбирался и по простоте душевной считал, что, чем костюмчик новорочнее, тем дороже, хотя в реальности все наоборот: дорогие вещи обычно строгие и беззатейливых украшений.

Он пробежал вслед за женщиной уже две трети квартала. Бегунья разогрелась, на щеках появился румянец, глаза блестели, и Виталию показалось, что в утреннем воздухе он ощущает запах ее тела. И тут женщина вместо того, чтобы направиться на тропинку, пересекающую газон к парку на холме, свернула к автобусной остановке. Ее внимание привлек ярко-красный прямоугольник объявления, выделявшегося среди других, безликих и уже подпорченных непогодой. Увлечшись погоней, Виталий не сразу заметил этот маневр, ведь он, неотступно следуя за бегуньей, смотрел лишь на бедра женщины и чуть не налетел на нее, когда та остановилась у фонарного столба. Получилось ужасно глупо. Продолжать бег значило убегать, ведь он уже значительно отклонился от прямого маршрута.

Женщина обернулась и, посмотрев на Виталия, ехидно улыбнулась. Но было в этой улыбке и легкое сочувствие к мужчине, попавшему впросак. Виталий не придумал ничего лучшего, как поставить правую ногу на край скамейки, перевязать и без того туго завязанный шнурок на правой кроссовке.

Незнакомка прочла объявление несколько раз, при этом беззвучно шевелила губами, словно запоминая его содержание. Она продолжала глубоко и часто дышать, ее грудь при этом не колыхалась. Тренированные мышцы тела застыли, словно были отлиты из бронзы. Затем женщина несколько раз поднялась на цыпочки, разминая ноги, и трусцой побежала к парку на холме.

Виталий Конопацкий выждал паузу, ему показалось, что мужчина с разноцветным, чисто женским зонтиком на остановке смотрит на него. Виталий подошел к фонарному столбу и прочел объявление, не столько для того, чтобы вникнуть в его смысл, а сколько для того, чтобы прочесть тот же текст, что и женщина, тем самым как бы прикоснуться к ней, соединиться.

«...Работа... крепкое здоровье... мужчины и женщины... тысяча долларов...» – читал Виталий. Из всех слов в его мозгу засели слова «женщины» и «тысяча долларов».

– Не может такого быть, – подумал он, – что это за работа такая – по штуке в месяц загребать! Да еще прописка и гражданство не имеют значения... Так это же, – задумался он, – как для меня написано.

Подошел автобус. Мужчина сложил дамский зонтик и, втянув голову в плечи, нырнул в открытую дверь. Виталий остался на остановке один. Никто здесь не вышел, конечная остановка находилась совсем рядом.

Не надеясь на память, он потянулся к объявлению, и листок красной бумаги, так и не просохший за ночь, оказался в его руке. Он аккуратно, чтобы не испачкаться, сложил его клеем к клею и, еще раз переложив пополам – так, чтобы номер телефона оказался сверху, сунул его в нагрудный карман спортивной куртки.

«Наталья небось уже на рынок поехала», – подумал он и посмотрел на склон холма, на котором виднелась серебристая фигурка его безымянной знакомой.

Ноги сами понесли Конопацкого по раскисшей от дождя тропинке. Перед склоном он немного сбавил темп, чтобы восстановить дыхание. На этот раз он чуть опоздал, женщина уже закончила упражнения на шведской стенке и теперь, стоя у бруса, пружинисто поднимала то одну ногу, то другую, стараясь дотянуться до испачканного грязью носка ярко-оранжевой кроссовки. Теперь ракурс с помоста для качания пресса оказался не очень удачным в смысле рассматривания женских прелестей.

Наскоро потренировав мышцы живота, Виталий вскарабкался на высокую перекладину и повис на ней, перекинув через поперечину ноги. Теперь он мог беспрепятственно заглядывать женщине в вырез мастерки, не до конца застегнутой на молнию, и, когда везло, созерцать округлости груди.

«Раз, два, раз, два, – отсчитывал Конопацкий каждый подъем к перекладине, – пять, шесть...» – считал он те моменты, когда ему удавалось разглядеть грудь.

Обычно он покидал площадку чуть раньше, чем незнакомка. Комплекс ее упражнений он выучил наизусть и знал, когда закончится весь цикл. Но сегодня на холм он опоздал и мог себе позволить побыть с ней здесь до конца. Закинув руки за голову, вися на согнутых в коленях ногах, Конопацкий с усилием поднялся, ткнулся вспотевшим лбом в холодную перекладину и вновь безвольно повис, вытаращив глаза.

– Эй, там, наверху! – впервые услышал он голос бегуни.

Женщина стояла под ним, уперев руки в бедра, и, чуть сощурившись, смотрела ему в глаза. Конопацкий смутился так, что чуть не рухнул с перекладины, но вовремя успел вцепиться в нее руками.

– Чего? – промямлил он, заливаясь краской.

Он ожидал, что сейчас ему выскажут что-то насчет того, что, мол, неприлично заглядывать в вырез спортивной куртки, и попросят сменить или место, или время занятий – короче, «пошлют».

– Чего? – немного передразнивая Конопацкого, повторила женщина.

Ее голос оказался на пол-октавы ниже, чем предполагал Виталий, и от этого еще более волнующим.

– Вы мне? – заплетающимся, деревенеющим по ходу разговора языком пробормотал Виталик, вися вниз головой, и понял, что спрыгнуть на землю сил у него нет, даже не сил, а просто страх перед женщиной не дает ему шевельнуться.

– А то кому же! Нас здесь, по-моему, только двое.

– Да...

– Ваша? – она присела и подняла с травы сложенную вчетверо красную бумажку. – У вас из кармана выпало, по-моему, – добавила она с сомнением.

Не опускаясь на землю, Виталий потянулся, чтобы принять объявление, но так и не достал его, хотя женщина и стояла на цыпочках.

– Может, спуститесь? Неудобно же...

– А да, – Виталик рухнул вниз, совершив в падении головокружительный кульбит, и тут же выпрямился. Он возник перед женщиной как черт из табакерки.

– Ох, – только и воскликнула она, отступая на полшага, – и напугали же вы меня!

– Не хотел. Спасибо, что заметили.

А женщина тем временем, развернув, разглядывала листок.

– Это то самое объявление?

– Какое?

– На столбе висело у остановки, – блондинка, испачкавшись в клей, принялась тереть подушечки пальцев, чтобы скатать его.

– А да... Я его... – Виталий понял, что ничего путного сказать не сможет, мысли путались, язык заплетался. – Вот, хотел позвонить...

– На работу?

– Да.

– Вы думаете, можно так просто устроиться по объявлению?

– А почему? Вот же пишут...

– Вы не москвич?

Почему-то признаваться в том, что он приезжий, Конопацкому не хотелось, но для того, чтобы врать, следовало собрать мысли, а этого он сделать не мог и кивнул.

– Я тоже почитала, думала попробовать. Но кто его знает, подозрительно все-таки.

– Почему?

– Ни названия фирмы, ни адреса.

– Лишь бы деньги платили, – немного осмелев, сказал Конопацкий, принимая листок из рук женщины и неловко запихивая его в нагрудный карман.

– Занимайтесь, я вас отвлекла.

– Да нет, что вы, помогли... Я бы потерял.

– Эти объявления по всему району расклеили, – блондинка подошла к брусьям и легко забралась на них. – Вы давно в городе? – спросила она у Виталия, который стоял, не зная, чем занять руки.

– Второй месяц.

Он лег на помост и, сунув ноги в металлические скобы, принялся качать пресс. Ему казалось, что срок прозвучал внушительный.

– У родственников живете?

– Да.

– Я бы на вашем месте на первую попавшуюся работу не соглашалась.

– Позвоню, посмотрю, если устроит, то почему бы и не поработать.

– Я пару раз пробовала устроиться на работу по объявлениям, так каждый раз оказывалось, что речь идет об интимных услугах, – без тени смущения негромко сказала блондинка.

– Но тут же и мужчин берут, – запинаясь, произнес Виталий.

– И на мужские услуги на рынке спрос есть, – спокойно парировала женщина. – Хотя не знаю, может, мужчине заниматься этим за деньги и не так зазорно, как женщине.

Краска вновь залила лицо Конопацкого. Ему стало ужасно неудобно за то, что его могут подозревать в желании устроиться на такую работу.

– Не думал... не о том...

– Я вижу, смущаю вас.

– А вы звонить будете?

– Не знаю еще, пока не решила.

– Я могу объявление вам отдать.

– Зачем, номер телефона я запомнила, условия тоже. Они несложные.

– Я позвоню сегодня, не откладывая, деньги срочно нужны.

– Что ж, желаю успеха, – женщина соскочила с брусьев и на несколько секунд задержалась. Этого времени было достаточно для того, чтобы Виталий вскочил с мокрого настила и сказал:

– Я тоже назад собирался. Бегом пойдем или спортивным шагом?

– Бегом не ходят, – засмеялась блондинка и стала спускаться по пологому откосу.

Поскользнувшись, она театрально ойкала, но, даже несмотря на это, Виталий не предложил ей опереться на свою руку. Назад они бежали вместе, не спеша.

Конопацкого подмывало спросить, замужем она или нет, хотя и понимал, любой ответ ничего для него не решает. Такая женщина, как эта, никогда не клонет на приезжего, не имеющего хорошего заработка и жилья мужчине, разве что захочет развлечься раз-другой. Но социальная дистанция между ними была такой большой, что Конопацкий даже не решался спросить, как зовут женщину, а той вроде бы не хотелось знать, как зовут ее спутника.

Они миновали ту самую автобусную остановку, на которой Конопацкий сорвал объявление, и добежали до перекрестка. Впервые Виталик попал на красный сигнал светофора. Желтая громада автобуса проползла совсем рядом с ними, задний вагон чуть не наехал колесом на бордюр, и черные клубы дыма окутали переход.

– Вот и поправили здоровье, – махая перед собой ладонью, рассмеялась женщина, и едва светофор мигнул желтым, тут же бросилась вперед.

Конопацкий боялся отстать. Возле дворового проезда блондинка остановилась и, переводя дыхание, сказала:

– Вы позвоните, разузнайте, что там к чему, потом мне скажете.

– А что спросить?

– Лучше всего договоритесь о встрече, сходите, разузнайте об условиях. Мне все-таки интересно, может, и появится хорошая работа.

Она на прощание вскинула руку, сверкнула тонкая полоска золотого колечка, то ли обручального, то ли надетого лишь для красоты, и побежала в глубь квартала. Виталику показалось, что солнце, и без того неяркое, сделалось в два раза слабее, а дождь пошел гуще. Он уже не бежал, не летел, а брел к девятиэтажному зданию, облицованному белой смальтой, с отвращением думая о том, что ему предстоит вечером.

«Врет все сеструха Ивана, – думал он, поднимаясь на крыльцо, – ни с кем она насчет сахара не договаривалась. Держат меня за дурака! Но ничего, я ей еще докажу, что сам чего-то стою.»

Стальная дверь захлопнулась за Виталиком, когда он вошел в квартиру с застоявшимся за ночь воздухом. Тут же, даже не раздеваясь, открыл обе форточки настежь и сел за кухонный стол. Смотреть на мешки с сахаром не было сил – тяжелые, неподъемные, неподвижные, они, казалось, навсегда поселились в Наташкиной квартире. Но и пейзаж за окном назвать радостным язык бы не повернулся. Все дело портила еще и решетка, безыскусно сваренная из арматурных прутьев: рисунок ее должен был символизировать восходящее или заходящее солнце – кому как нравится.

Конопацкий достал объявление, развернул его, разгладил на столе. Цифру за цифрой, каждый раз сверяясь с напечатанным, набрал номер.

– Алло! Алло! – торопливо заговорил он в трубку.

– Слушаем вас.

Это «слушаем» немного обнадежило, значит, попал туда, куда следует, на фирму, а не на квартиру.

– Я по объявлению.

– Да.

Глава 4

Студенты Николай и Макс спали после трудовой ночи. Шторы на окне были сдвинуты, не хотелось пускать в комнату утренний свет, форточка плотно закрыта, чтобы звуки пробуждающегося города не мешали отдыхать. Будильник, чтобы случайно не заверещал, выключили из розетки.

Телефон же стоял на видном месте, для него специально расчистили площадку на заваленном книгами и конспектами круглом столе. Рядом с аппаратом лежал чистый блокнот и дешевая, купленная в коммерческом киоске шариковая китайская ручка.

Телефон зазвонил громко и яростно. Николай приоткрыл правый глаз, по привычке взглянув на будильник, но погасший экранчик не мог подсказать ему, который сейчас час.

– ...твою мать! – выругался студент, натягивая на голову одеяло.

– Эй, Колька, – захрипел Макс, садясь на узком и коротком для него диванчике, – телефон звонит!

– Подними! – раздалось из-под одеяла.

– Трубку возьми, слышишь?

– Я сплю.

– Скотина! – Макс отбросил скомканную простыню и колючий клетчатый плед.

Спал он без белья, голый. Из всей одежды на нем был золотой нательный крестик.

– Скотина ты, Колька, будто мне спать не хочется! Сволочь.

– Трубку берет тот, у кого нервы слабее.

Макс опустился на шаткий стул с засаленной обивкой и с отвращением посмотрел на телефон, словно бы надеялся, что тот больше не издаст звука и можно будет отправиться досыпать. Но трель повторилась. Он поднес трубку к уху и даже не успел ничего сказать, как оттуда зазвучало:

– Алло! Алло!

– Слушаем вас, – стараясь придать своему голосу бодрость и хорошее звучание, произнес Макс. Никто из друзей в такое раннее время звонить не мог, все они дрыхли.

«Наверняка по объявлению, – подумал студент, – вот и кончилась сладкая жизнь. Теперь начнут звонить и днем и ночью. Нужно было и телефон отключить!»

– Я по объявлению.

– Слушаем вас.

Поскольку звонок был первым, Колька все-таки пересилил сонливость, стянул с себя одеяло и сел, любопытство брало верх над ленью.

– Ты бы хоть трусы надел! – зашипел он.

Макс прикрылся ладонью и пожал плечами, мол, чего цепляешься, по телефону все равно ничего не видно, а если самому противно смотреть, то подошел бы и сам разговаривал.

– Понимаете, – Макс сейчас говорил слово в слово то, чему научил его человек, давший объявления и заплативший деньги, – на работу принимает сам директор фирмы, а его сейчас нет в Москве.

– Как это?

– Мы только принимаем звонки.

– А когда же он вернется?

– Точно не знаю.

– Через день, два?

– Как командировка кончится.

– А что у вас хоть за работа?

– Точно сказать не могу, всякая есть работа, зависит от того, что человек умеет.

– Так что же делать?

– Завтра позвоните.

– А вдруг ваш начальник не вернется?

– Давайте сделаем так: вы мне оставите свои координаты, а он, когда вернется, перезвонит вам.

Макс записал телефон Натальи, который Виталик назвал с неохотой: ведь хозяйка не давала ему разрешения раздавать номер ее телефона налево и направо.

– А теперь, – попросил Макс, – дайте короткую информацию о себе, это ускорит ваш прием на работу.

– У вас точно можно тысячу баксов зарабатывать?

– Можно, можно, – сказал Макс, не имея ни малейшего понятия о том, чем же будут заниматься люди, которых он нанимает на работу для человека, который даже не представился ему. Затем Макс записал возраст, пол, национальность, имя и фамилию. – Ждите, вам позвонят. В какое время вы дома бываете?

– Звоните лучше днем, – уклончиво ответил Виталик.

– Ясно. Всего хорошего, – Макс повесил трубку.

– Дождешься, что заразу какую-нибудь подхватишь, – недовольно пробормотал Николай, вставая и потягиваясь.

– Какую еще заразу? – не сразу понял Макс.

– Садись голый задницей на грязный стул. Кто его знает, чем до тебя об него терлись, может, квартиру эту какие-нибудь наркоманы, больные СПИДом, снимали?

Макс поднялся и попытался заглянуть себе через плечо, чтобы увидеть задницу: будто бы СПИД, приклеившийся к ягодицам, можно было разглядеть невооруженным глазом.

– Дело говоришь, – вздохнул Макс, взял с полки бутылку с туалетной водой, сделал он это, не открывая дверцы, так как стекло было разбито, налил полную пригоршню, потер водой ягодицу, отчего та тут же покраснела.

– Вот и началась работа.

– Интересно, какую это составляет часть от тех ста долларов, которые нам обещал мужик?

– Трусы надень, – вслух сказал Николай, – меня прямо наизнанку выворачивает, когда я на голых мужиков смотрю.

– А ты не смотри, – спокойно ответил Макс.

– Шастаешь тут перед самыми глазами, попробуй не посмотри.

– Это все скрытые комплексы, – сказал Макс, – наверное, у тебя латентный гомосексуализм.

– Ты сам педофил или как там называют тех, кто любит свои гениталии демонстрировать...

– Педофил – это тот, который любит маленьких детей, – со странной мечтательностью в голосе произнес Макс, – а тех, кто любит свои гениталии демонстрировать, называют... – и он осекся, забыв нужное слово. – Сбил ты меня, Колька, всякая непотребщина в голове крутится, педофилы, скотоложцы и некрофилы, а нужное слово как сквозь землю провалилось.

– Эксгибиционист.

– Во-во, правильно...

Говоря это, Макс сбрызгивал туалетной водой сиденье стула и растирал жидкость ладонями.

– Продезинфицирую, – пояснил он, после чего отправился в ванную.

И тут снова зазвонил телефон. На этот раз пришлось отвечать Кольке. Вновь у звонившего имелись конкретные вопросы, и вновь на них приходилось отвечать расплывчато, мол, начальника нет, приедет через пару дней, оставьте свои координаты и данные. В блокноте появилась вторая запись.

– Ошалели они, что ли? – сказал Николай, когда все еще голый Макс вошел в комнату. – За то время, пока ты мылся, три звонка.

– Деньги отрабатывать надо, – Макс критически осмотрел свои трусы и, решив, что они еще достаточно чистые, надел их. Носками же он побрезговал, после ночного похода по городу те все еще были влажные и липли к пальцам.

Телефон зазвонил вновь.

– Точно ошалели!

– Кому ж не хочется тысячу баксов заработать? – Макс вошел во вкус и отвечал уже небрежно, заученно, заранее зная, о чем его будут спрашивать и что нужно говорить.

К обеду каскад телефонных звонков поутих, Николай отправился в магазин прикупить чего-нибудь к ужину. Но к вечеру, когда народ возвращался с работы, вновь один за другим стали следовать звонки. Поэтому на столе расчистили еще одну площадку, где и расставили ужин. Макс сидел с трубкой в одной руке, со стаканом водки в другой и диктовал Николаю очередные данные мужчины с отличным здоровьем, желающего заработать тысячу долларов в месяц.

– Да-да, для нас прописка и гражданство не имеют значения, они имеют значение только для вас. Всего хорошего, ожидайте звонка, – Макс нажал на рычаги аппарата, а затем положил трубку рядом. – Передохнуть надо, пусть думают, что занято, – и залпом допил стакан водки.

– Смотри не напивайся, как-никак мы на работе.

Часам к двенадцати позвонил и тот человек, который дал им объявления для расклейки. Вновь не представившись, поинтересовался:

– Ну как дела, ребята? Звонков много?

– Думаю, больше, чем на сто баксов, если так будет продолжаться и дальше, – не очень-то радостным тоном сообщил Макс.

– Уговор дороже денег.

– Может, набросите немного?

– Посмотрим, видно будет. Сколько человек позвонило?

– Да уже полсотни.

– Отлично, так держать. Через пару дней забегу, возьму первый список и еще объявлений вам подкину за отдельную плату, но расклеить их придется уже в другом районе.

Макс посмотрел на Николая, по взгляду тот понял: предлагают продолжить работу. Немного поколебавшись, он кивнул:

– Соглашайся, возьмемся.

В следующие дни звонков стало немного поменьше. То ли объявления на столбах заклеили другими, то ли желающих в районе заработать поубавилось. Когда незнакомец пришел к студентам, те передали ему до половины исписанный блокнот и получили свои деньги.

– А новая работенка когда появится? – поинтересовался Макс, когда увидел, что мужчина в черном пальто и фетровой шляпе направляется к выходу.

– Заминочка вышла, – с хитрой улыбкой ответил незнакомец, – вы тут ударно поработали, мне пока и этих клиентов хватит, а потом, что ж, позвоню.

– Не забудьте, – ощущая в руках упругую, еще ни разу не перегнутую стодолларовую банкноту, крикнул ему вдогонку Макс.

– Что ж, и это неплохо, – сказал Николай, когда дверь закрылась, – дуй в обменник и возвращайся с коньяком.

– А не круто? Может, лучше водки взять?

– Водку мы раньше пили, а теперь, когда деньги есть, можем и коньяк.

– Под коньяк нужно баб пригласить, его в чисто мужской компании пить – как говорится, продукт переводить зря.

И через пару часов ребята, обзвонив знакомых девиц, пригласили к себе двух студенток из параллельной группы, таких же приезжих, снимающих квартиру в этом районе, как и они сами. Еще первых полчаса девушек интересовало, откуда ребята взяли деньги. Их бы вполне устроил ответ, что доллары прислали родители, но Николай и Макс по-дурацки запирались, хихикали, подмигивали один другому, старались налить девушкам побольше. И вскоре те уже бросили задавать вопросы, начисто забыв о времени.

И когда была допита третья бутылка коньяку, начался форменный разгул. Молодые люди делали вид, что не видят друг друга, каждая же пара, занимаясь своим делом, потихоньку подглядывала за другой. Свет хоть и погасили, но фонарь, стоящий напротив окна, ярко освещал комнату, и искусственный, похожий на лунный свет тщательно фиксировал все происходящее, сверкал на пустых бутылках, примостившихся у ножки стола, отливал золотом в крашенных волосах девушки, доставшейся Макс, и гас в черных, как свежерасплавленный битум, кудрях подруги Николая.

В общем, деньги, полученные студентами, были потрачены с толком – так, чтобы запомниться надолго, так, чтобы вспоминать о них без всякого сожаления. Домой студентки уехали на такси, в припадке щедрости оплаченном друзьями.

* * *

– Знакомое у него какое-то выражение лица, – задумчиво произнес Макс, пытаясь прикурить на резком осеннем ветру.

Огонек зажигалки послушно вспыхивал между его ладонями, но стоило поднести к нему размоченную дождем сигарету, тут же гас.

– У нашего работодателя?

– У него. Такое чувство, будто он актер, будто в кино его видел.

– Брось ты, актеры бизнесом не занимаются. Вернее, занимаются, но если уж угодили в бизнес, то на сцену и на съемочную площадку из него не возвращаются.

– Так я же и говорю, может, раньше актером был.

– Нет, дикция у него для актера неподходящая. Придет в следующий раз, спросим, ладно?

– Кажется, больше он к нам не наведается, зря мы ему о деньгах раньше времени сказали.

– О деньгах говорить никогда не рано и не поздно, – подвел черту под финансовыми проблемами Макс.

Ему наконец-то удалось раскурить сигарету, и он, счастливый, глубоко затянулся. Весь кайф был в наборе – коньяк, девочки, сигареты. Чего еще желать молодому человеку, приехавшему в столицу на учебу? А то, что в карманах пусто, так это дело наживное. Будет завтрашний день, будет и пища, не для желудка, конечно, а для размышлений.

* * *

Валерий Грязнов не любил ходить пешком, но он не рискнул приехать к студентам на машине. Незачем рисковать, кто-нибудь из них мог и номер запомнить. Он вышел из снятой Николаем и Максом квартиры, наставил ворот дорогого черного пальто и поглубже натянул шляпу, дождь барабанил по ее широким полям. Во внутреннем кармане пальто топорщился свернутый в трубку блокнот с адресами людей, желающих устроиться на работу.

«Еще один этап пройден», – подумал Грязнов, прыгая через лужи, скопившиеся в дворовых проездах.

Дорогу он помнил плохо, квартиру под офис снял здесь недавно и задерживаться в ней не собирался. Так уже действовал не раз: договаривался с хозяевами, чтобы не беспокоили,

платил вперед. Главным условием являлось, чтобы хозяева вывезли всю мебель, если квартира была однокомнатной, или же перетащили ее в соседнюю комнату, если тех было больше.

Компьютеры с оборудованием и два письменных стола Грязнов перевез на квартиру вчер. Для переезда он каждый раз набирал новую бригаду грузчиков.

Жалюзи на окнах, кочующих из квартиры в квартиру, дополнили интерьер. Они придавали ему вид законченности, солидности. Жилая квартира сразу же преображалась, приобретала вид офиса, не мешали даже цветастые веселенькие обойчики.

Въехав в снятую на месяц квартиру, Грязнов первым делом поменял сердцевину замка. Хозяйскую же сердцевину положил в ящик письменного стола. К своим ключам он привык, научился находить их на ощупь. В подъездах обычно и некстати перегорали лампочки.

Он с трудом отыскал дом в глубине квартала. Единственный ориентир, который он помнил, – это выгоревшая, облезлая вывеска, сообщавшая, что здесь когда-то располагался пункт по приему белья в стирку. Пункт давно уже не работал, а его помещение занимала какая-то левая контора, то ли не удосужившаяся поменить вывеску, то ли предпочитающая прятаться под чужой.

Квартира встретила Грязнова затхлым, резким запахом, влажным, настоящим на химических средствах против насекомых. Грязнов презрительно поморщился, зажег свет и, даже не сбрасывая пальто, поспешил открыть окно, чуть не погнув при этом планки жалюзи. И только вдоволь отдышавшись осенней свежестью, позволил себе снять промокшее пальто и шляпу. Костюм смотрелся на нем немного надуманно, сразу было видно, человек больше привык к свободной одежде, к джинсам, свитеру, а может, и к камуфляжу.

Грязнов несколько раз выгнул в руках широкий, форматом с машинописный лист, блокнот, чтобы его выровнять, и уселся за стол. В его пальцах появился толстый темно-синий маркер.

– Студенты долбанные! – пробормотал Грязнов, глядя на не очень разборчивые каракули Макса. Строчки, написанные Николаем, с грехом пополам можно было прочесть с первого раза.

Валерий Грязнов пролистал страницы.

– Н-да, работка предстоит на час, не менее, но она того стоит.

Наморщив лоб, мужчина вчитывался в неразборчивые строчки.

– Так, этот москвич, – бормотал он и тут же густо замазывал очередного кандидата на работу.

С москвичами он расправлялся безжалостно, с ходу. Над выходцами из других городов сидел задумавшись. Но, поколебавшись, вычеркивал и тех, если они оказывались женатыми. Женщины его пока вообще не интересовали, но их фамилии, контактные телефоны Грязнов не зачеркивал, лишь обозначал строчки жирными синими галочками, потому что знал, наступит время, он вернется к ним.

Он работал, как и предполагал, ровно час. Когда что-то делаешь не впервые, то прекрасно ориентируешься, сколько на это уйдет времени. Из нескольких сотен адресов пригодными оказались лишь два десятка – в основном люди, приехавшие в Москву на заработки из Украины, Молдавии, Казахстана.

– В этих вопросах они не врут, – усмехнулся Грязнов, – уж скорее украинец соврет, что он коренной москвич, чем москвич станет утверждать, что он житель Горловки. Главное, правильно выстроить алгоритм требований кандидатам.

Грязнов включил компьютер и аккуратно внес туда те фамилии, которые оставил в списке. Затем блокнот исчез в ящике стола, и Грязнов подвинул к себе телефон.

– Что ж, приступим! – палец скользнул в отверстие диска, послышались щелчки.

Номер телефона сеструхи Ивана Натальи оказался в списке первым.

– Добрый вечер, – хорошо поставленным официальным голосом произнес Грязнов, лишь только с другого конца провода до него донеслось: «Алло!».

– Может, кому и добрый, – настороженно отозвалась Наталья.

Официальных голосов она не любила, все ее знакомые привыкли к развязному стилю общения. Официально мог говорить или налоговый инспектор, или чиновник из префектуры ее района.

– Конопацкого можно пригласить?

– Конопацкого? – переспросила женщина и посмотрела на Виталия. За те два месяца, которые она прожила с ним, она так и не удосужилась узнать его фамилию, да и по телефону им интересовались впервые.

– Виталия Конопацкого, – уточнил Грязнов, – мы договаривались, он ожидает моего звонка.

– Виталик, тебя вроде, – с подозрением глядя на Конопацкого, произнесла Наталья.

Если бы его просила пригласить к телефону женщина, она ни за что бы не позвала, пусть даже та и говорила бы официальным голосом, сказала бы, мол, нет такого тут и никогда не было.

Виталий хотел пройти на кухню и взять трубку там, ему не хотелось, чтобы его хозяйка-любовница слышала разговор. Но взгляд женщины был настойчивым и требовательным, словно бы приказывал: разговаривай при мне.

– Да, я слушаю.

– Вы нам звонили?

– Да.

– Так вот, я директор фирмы, осуществляющей набор. Данные, которые вы надиктовали, соответствуют действительности? Жили в Горловке? Гражданство украинское?

– Да-да, – торопливо отвечал Виталик, косясь на слушающую во все уши Наталью.

– Вы все еще интересуетесь поисками работы?

– Конечно!

– Тогда могу предложить вам встретиться завтра. Какое время вас устроило бы?

– Я целый день свободен.

– Тогда часов в одиннадцать утра, хорошо?

– Как к вам проехать?

– А мы здесь недалеко расположились, судя по номеру вашего телефона, но дом в середине квартала найти будет трудно. Если вы не против, я встречу вас у входа в хлебный магазин в соседнем от вас доме. Знаете?

– В сорок пятом? – растерявшись, спросил Виталик, ему не могло прийти в голову, что можно по номеру телефона узнать адрес.

– Да, именно там.

– Как я вас узнаю?

– Народу там немного, просто постоит минут пять, думаю, не разминемся.

– Хорошо. А это правда, – запинаясь, спросил Виталик, – что... – и тут же осекся.

– Хотите спросить, правда ли то, что можно заработать деньги... большие деньги? – вкрадчиво говорил Грязнов.

– Да, именно это я и хотел спросить.

– Что ж, если я скажу вам «да», вы можете и не поверить. Приходите, убедитесь сами. Только не забудьте прихватить с собой все документы. Медицинской карточки у вас на руках нет?

– Я не брал ее, когда ехал в Москву.

– Что ж, не страшно, медосмотр пройдет у нас завтра. Сперва собеседование, затем медосмотр. Всего хорошего, до встречи! – Грязнов первым повесил трубку.

– Кто звонил? – спросила Наталья, грозно глядя на Виталия, еще сидевшего с телефонной трубкой в руках.

– Да так, человек один... – не успел придумать достойный ответ Конопацкий.

– Я же тебе говорила, насчет сахара все улажено. Приедут, заберут, просто у них машина сломалась, – по-своему истолковала телефонный звонок женщина.

– Нет, это не насчет сахара, так, знакомый один, работу обещал.

– Знакомые таким тоном не разговаривают. А насчет работы ты был бы поосторожнее, тебя могут просто выселить как нелегала.

– До этого Бог миловал. Ты же за меня заступишься? – первый раз за все время Виталий назвал Наталью на «ты». И та почувствовала, раз произнесено слово «ты», значит, мужчина почувствовал себя более самостоятельным и нужно менять тактику, переходить в наступление.

– Соседи сказали, тебя с бабой какой-то видели?

– С какой?

– Есть добрые люди, подсказали. Ты в этих делах неопытный, тебе московская дура голову вскружить может, а я свой человек.

– Да не было ничего, просто бежали утром в одну сторону, вот и говорили по дороге.

– Так значит, правда? Если ты в дом триппер притащишь или еще какую заразу похуже, потом пеняй на себя. Я-то баба чистая, с тобой только трахаюсь, и ты на сторону ходить не должен. Я сразу пойму, если ты с ней свяжешься.

– Как? – тихо спросил Виталий.

– Силы у тебя убавится, мужика в этом деле понять легко.

Виталию захотелось выругаться, вспылить из-за того, что Наталья плохо отозвалась о его новой знакомой, но он сдержался.

«Ничего, устроюсь на работу, получу деньги, тогда и поговорим по-другому, на равных!»

Посмотрев телевизор, прошуршав газетами, Виталик уловил момент, когда Наталья пошла на кухню, наскоро помылся и улегся спать. А когда женщина вернулась, он притворился спящим и довольно умело, даже посапывал.

– Эй, – женщина потрясла его за плечо.

Виталий пробормотал что-то нарочито невнятное и попытался натянуть одеяло на голову.

– Ты мне это брось, вижу, что не спишь! Про ту бабу я просто так сказала, знаю, ничего у вас не было, – и она прижалась голым, еще немного влажным после ванной телом к Конопацкому.

Тот понял, притворяться дальше бессмысленно, но и терять лицо не хотел. Сел, протирая глаза.

– Заснул я, что ли, а?

Наталья тоже села, выложив перед собой на одеяло тяжелую грудь.

– Ты чего задумал?

– Ничего, – и Виталию пришлось, чтобы прекратить разговор, обнять женщину, уложить ее на подушки.

Соединяясь с нею, он думал то о блондинке-бегунье, то о деньгах, которые скоро заработает, старался не думать лишь о самой Наталье, воображая, что лежит не на женщине, а на мягком теплом водяном матрасе, послушно принимающем под ним форму тела.

– А насчет сахара ты не беспокойся, – ласково приговаривала сеструха Ивана, – заберут его, обязательно заберут. Я тебе не вру, машину починят, приедут и погрузят.

Но теперь мешки с сахаром казались Конопацкому такой мелочью, что о них не стоило и думать. В мыслях он уже бежал по склону холма, перед его глазами маячили туго обтянутые серебристыми штанами ягодицы молодой бегуни.

«Завтра в одиннадцать, – подумал он, – все решится завтра!»

* * *

Виталий Конопацкий с документами, завернутыми в шелестящий пластиковый пакет, вошел на крыльцо хлебного магазина и осмотрелся. Пусто. Никто его здесь не ждал.

«Может, напутал что? – неуверенно подумал он. Ему почему-то казалось, что во встрече заинтересован не только он, но и звонивший. – Да у них таких, как я, наверное, сотни. Перебирают, а повезет двум или трем.»

Крыльцо магазина было узким, пришлось встать на самый край, чтобы разминуться с покупателями. Каждого человека, поднимающегося по ступенькам, Конопацкий внимательно и пристально изучал. Но никто не походил на директора преуспевающей фирмы.

– Виталий, вы, наверное, меня ждете? – послышался ровный, спокойный голос.

Странно, но он звучал почти точно так же, как и вчера в телефонной трубке, хотя обычно телефон искажает голос человека до неузнаваемости, словно существуют две отдельных личности – одна телефонная, вторая реальная.

Конопацкий обернулся так резко, что чуть не свалился с крыльца. Прямо на газоне стоял, широко расставив ноги, высокий мужчина в черном расстегнутом пальто и широкополой шляпе. Под пальто виднелись костюм и галстук. Лицо Грязнова было чисто выбритым, от него пахло хорошим одеколоном, в уголке губ дымила дорогая сигарета.

– Я-то пришел вовремя, а вот вы немного раньше. Здравствуйте!

– А я стою, вас высматриваю... – Конопацкий, немного смущаясь, пожал руку Грязнову, но так и не решился спросить, как того зовут.

Рукопожатие оказалось крепким – таким, словно Грязнов проверял силу Конопацкого, хватит ли у того духа ответить так же крепко.

– Пойдемте, времени у нас не так уж много. Дела, знаете ли...

Виталик шел рядом со своим новым знакомым и прямо-таки нутром чувствовал, тот тоже прошел школу или десантных войск, или спецназа. На чем основывается это чувство, он бы не мог объяснить и сам, просто чуял, как собака, нюхом.

– Мы недавно сюда переехали, – рассеянно, словно бы не обращаясь ни к кому конкретно, говорил Грязнов, – оно удобнее, людей ищем по району при помощи объявлений. Вот наш офис, – и он указал на выцветшую вывеску приемного пункта белья в стирку.

И Виталия даже не закралось в душу сомнение насчет того, а может ли преуспевающая фирма располагаться в таком глухом районе, в частной квартире.

Грязнов, словно бы предвидя подобный вопрос, принялся объяснять:

– Сами понимаете, трудно сейчас работать, повсюду ограничения, власти никак не хотят отказываться от института прописки. Вот и приходится прятаться, работать чуть ли не подпольно. А ведь чем одни люди, не москвичи, хуже других – москвичей? Каждого по его деловым качествам ценить надо, а не по прописке. Небось в правительство себе всяких людей набирают, не только москвичей. Да и президент, он же не в Москве родился – нет. То-то же! Вот и приходится исправлять, так сказать, историческую несправедливость своими методами. Против природы не попрешь.

Эти слова, словно бальзам, лились на душу Виталия, успевшего за два месяца полюбить столицу и одновременно возненавидеть ее жителей, которым повсюду были преимущества, а ему приходилось вздрагивать, лишь только завидит на улице милицейский патруль. Остановят еще, проверят документы и выбросят к черту из Москвы! Но до сих пор везло, спасала славянская внешность. Милиции хватало разборок с кавказцами, останавливали чуть ли не каждого носатого брюнета со смуглой кожей.

– Проходите, – Грязнов распахнул дверь, и Конопацкий шагнул в квартиру.

Солнце освещало большую комнату, но неярко, деликатно, пробиваясь сквозь планки полузакрытых жалюзи. За столом возле компьютера сидела молодая девушка в белом халате и в белом же, похожем на поварской, колпаке. Рядом с письменным столом на журнальном столике расположилась небольшая подставка для пробирок, чемоданчик с красным крестом на боку и непонятными для Конопацкого надписями, сделанными латинскими буквами.

– Тесновато у нас тут, – развел руками Грязнов, пристраивая пальто на вешалке, – но зато все на месте, не отходя от кассы, так сказать. Катя, можешь пока нам кофе приготовить, мы тут поговорим немного.

То ли медсестра, то ли доктор – Виталий так толком не понял, кто эта девушка, – вышла на кухню, и он оказался с Грязновым по разные стороны письменного стола. Катя гремела на кухне посудой, и Конопацкий чувствовал себя по-домашнему уютно. Мужчина, пригласивший его в странный офис, не спешил начинать разговор, смотрел на посетителя испытующе.

– Документы ваши можно посмотреть? – наконец-то вкрадчиво произнес он и тут же протянул руку, даже не получив ответа.

Конопацкий ощутил, что такое с ним уже когда-то случилось, но не сразу сообразил, когда и кто был тогда его собеседником. А зря, точно так же вела себя и цыганка, перехватившая его однажды у вокзала в Горловке, она не делала пауз между просьбами дать и жестами.

– Дай-ка сюда деньги, – говорила она, – я за них подержаться должна, иначе гадание неточным будет.

И ее ладонь уже маячила перед Виталиком, а он как загипнотизированный вытаскивал последние деньги.

– Все, все давай, – приговаривала цыганка, – если хоть что-то у тебя останется, гадание неточным будет. На твою жизнь кто-то большие деньги поставил.

И он как последний идиот шарил по карманам, выгребая все до последней бумажки. Денег своих, конечно, он больше не увидел. Цыганка покрутила их в руках, прошуршала, а затем дунула на кулаки и резко разжала их. Денег как и не бывало...

– Да-да, – приговаривал Грязнов, листая старый, еще советского образца, паспорт Конопацкого.

Он даже не мог скрыть довольную улыбку. Человек, попавшийся на его удочку, отвечал многим требованиям: гражданин другого государства, никогда не был женат, в Москве находится нелегально, достаточно молод, в тюрьме не сидел – в системе нумерации советских паспортов Грязнов разбирался великолепно. Это только легковые думают, что после снятия судимости по их паспорту невозможно понять, что они отбыли срок наказания. Выдается такой же паспорт, только буквенная серия начинается, скажем, с буквы «У», которой нет в паспорте ни у одного законопослушного гражданина.

– В армии служили?

– Да.

– В каких частях?

– Воздушно-десантные войска, – не без гордости ответил Конопацкий: в его жизни было мало того, чем можно гордиться.

– Ну, тогда мой следующий вопрос, наверное, лишен смысла: на здоровье не жалуетесь? Конопацкий даже рассмеялся:

– Могу пожаловаться на что угодно, только не на здоровье.

– Курите? Пьете? – коротко задавал вопросы Грязнов, глядя на собеседника из-за поблескивающих стеклышек узких очков.

На самом деле зрение у него было отличное, единица, но он хорошо усвоил, что, во-первых, очки придают человеку солидность, внушают доверие, а, во-вторых, собеседнику потом сложнее вспомнить лицо того, с кем он встречался.

– Раньше, давно, курил.

– А пить?

Конопацкий задумался.

– Как вам сказать. На работе это не отразится.

– Я не имею в виду рюмку-две к празднику, как делают все приличные люди, а запои сильные, пьющий человек на работе, сами понимаете... – и Грязнов развел руками.

– Нет. Но что хоть за работа? – не выдержав, спросил Конопацкий.

– Высокооплачиваемая, – с улыбкой ответил Грязнов, – но, как вы понимаете, конкурс большой. Вот мы с вами сидим беседуем, а желающих устроиться на работу к нам много.

– Да уж, понимаю.

– Где работали до этого?

– Метизный завод.

– Вредное производство – литейка, покраска, гальваника?

– Нет, обработка металла резанием. Особо полезными условия в цеху я не назвал бы, но и вредного там ничего не было. Так чем мне все-таки придется заниматься?

Во время разговора Виталик Конопацкий нервно тер ладони, у него всегда, когда нервничал, начинали чесаться руки.

– А это вам так важно? – усмехнулся Грязнов.

– Вообще-то, да. Хотелось бы знать...

– Есть такое понятие, как коммерческая тайна. Основная проблема заключается не в готовности человека работать, самое сложное – придумать, чем ему заниматься. Это уже половина успеха, а скажи я вам, вдруг вы до того, как договор подписывать, решите сами этим заняться? Украдете нашу идею, – коротко рассмеялся Грязнов. – Так что сначала – наши условия, а потом будете свои выставлять.

Хоть и сказано это было вежливо, с улыбкой, но чувствовалось, что Грязнов не уступит и раньше времени карт не откроет.

– В Москве где вы остановились?

– У знакомой.

– А если вам придется надолго куда-нибудь уезжать, проблем не возникнет?

– Я и так надолго уехал из дому, – с усмешкой произнес Конопацкий, – а никто до сих пор и не хватился моей пропажи.

Из кухни вернулась Катя, принесла кофе, маленькую-маленькую чашечку.

– Вы уж извините, что вам так мало налили, но сейчас вам предстоит пройти медосмотр, а кофеин может изменить параметры.

– Прямо здесь... медосмотр? – удивился Конопацкий.

– А что здесь такого? Лучше, когда нет ни очередей в кабинет, ни грязных иголок, тут же все и проверим. Вас бы все равно в районной поликлинике не обслужили.

Только сейчас Виталик Конопацкий заметил, что к компьютеру подключено не только офисное оборудование, но и медицинские датчики.

– Раздевайтесь до пояса.

Конопацкий сбросил свитер, рубашку, и Катя ловко расположила на его теле присоски с датчиками. Грязнов вышел из-за стола, уступив свое место девушке в белом халате. Та щелкала клавишами, просила то дышать, до задержать дыхание, напрячься, расслабиться. Виталик полулежал в кресле, прикрыв глаза, и старался думать о чем-нибудь приятном. Ему хотелось, чтобы показания приборов дали ему возможность получить работу.

– Посмотрите, – Катя избегала называть Грязнова по имени и отчеству в присутствии посетителя, – превышение нормы.

– На сколько?

– На пять процентов.

– Ерунда.

Наконец девушка сделала распечатку, сложила ее вдвое.

– А теперь анализы.

– Какие?

– Почти все, кроме спермы, – улыбаясь, произнес Грязнов, стекла очков прятали его холодный, не улыбочивый взгляд.

Катя работала быстро и ловко, кровь на анализ взяла почти мгновенно. А затем Конопацкому, стесняясь, пришлось удалиться с баночкой в санузел. Он оставил анализ мочи на полочке и вернулся.

– Ну что ж, – сказал Грязнов, – я думаю, вас можно почти что поздравить. Если анализы будут хорошие, то по всем остальным параметрам вы нас устраиваете. Через день-два мы получим результаты, и я перезвоню вам, – Грязнов поднялся из-за стола и подал руку.

– Извините, ладонь мокрая, мыл, – Конопацкий неловко подал руку, и Грязнов пожал запястье Виталику.

– Вы уж постарайтесь быть дома, потому что, если вас не окажется, я могу позвонить другому претенденту.

– Да-да, постараюсь не отходить от аппарата.

Валерий Грязнов провел посетителя до самой двери и, когда замок щелкнул, тут же снял очки, принялся тереть переносицу. От непривычки ее саднило.

– Давай дуй в лечебницу, и побыстрее, – от прошлой обходительности у Грязнова не осталось и следа.

Теперь он уже не улыбался, а строго смотрел на девушку. Та паковала образцы для анализа в сумку, при этом избегала смотреть на Грязнова.

– Что, не нравится то, чем занимаешься? – спросил он, взяв девушку за руку, но не раньше, чем та упаковала сумку.

– Не очень, – зло ответила она и попыталась высвободиться.

Тогда Грязнов схватил ее за подбородок и развернул лицом к себе, левой рукой прижал ее к своей груди, но не нежно, не ласково, а зло – так, чтобы та почувствовала его физическое превосходство.

Дыша ей в лицо, он тихо-тихо произнес:

– Я что-то не слышал, чтобы ты от денег отказывалась. Привыкла жить хорошо, а?

Затем последовала пауза. Грязнов смотрел в глаза девушки, не моргая, не отводя взгляд. Та не выдержала секунд через десять. Мало было людей, способных выдержать пристальный взгляд Грязнова, и он умело этим пользовался. Лишь только ощутив, что человек готов ему не подчиниться, он пускал в ход это скрытое оружие. Холодные, стального цвета глаза пугали, пугала их неподвижность – мертвая неподвижность, словно бы смотришь в глаза труп. И помимо воли у человека, смотревшего в глаза Грязнову, возникала мысль о том, что он сам смертен, и, как справедливо заметил классик, «внезапно смертен».

– Ты, Катя, еще хочешь мне что-то сказать? – несколько ослабив хватку, поинтересовался Грязнов.

– Нет-нет, все в порядке. Вам показалось, я просто сегодня не в настроении.

– Твое настроение меня не волнует, и оно не должно касаться работы. Если что, ты знаешь... – добавил Грязнов и легко оттолкнул от себя Катю. – Дуй в лечебницу, по-моему, этот горловский козел – то, что нам надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.